

★ ПОКЛОН ПОБЕДИТЕЛЯМ ★



Анна Черская

ЮНЫЕ ГЕРОИ
Великой Отечественной

Л

Поклон победителям

Анна Печерская

**Юные герои Великой
Отечественной**

Издательство «Детская литература»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-31

Печерская А. Н.

Юные герои Великой Отечественной / А. Н. Печерская —
Издательство «Детская литература», 2015 — (Поклон
победителям)

ISBN 978-5-08-005385-6

Этот сборник составлен из рассказов о беспримерных подвигах юных героев, наравне с отцами и матерями, старшими сёстрами и братьями вставших в годы Великой Отечественной войны на защиту Родины, – Лёни Голикова, Марата Казея, Лары Михеенко, Вали Котика, Зины Портновой, Вити Коробкова, Саши Ковалёва, Нины Куковеровой и Володи Дубинина. Книга выходит в серии «Поклон победителям», выпуск которой приурочен к празднованию 70-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-31

ISBN 978-5-08-005385-6

© Печерская А. Н., 2015

© Издательство «Детская
литература», 2015

Содержание

Лёня Голиков	7
Марат Казей	18
Лара Михеенко	26
Валя Котик	35
Зина Портнова	45
Витя Коробков	53
Саша Ковалёв	63
Нина Куковерова	69
Володя Дубинин	77



Анна Печерская Юные герои Великой Отечественной

© Печерская А. Н., 2015

© Юдин В. Г., иллюстрации, 1979, 1981

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015



Обычные мальчишки и девчонки... Весёлые и озорные, непоседливые и серьёзные. Они учились, дружили, ссорились и мирились, смеялись и грустили, пели песни, танцевали, бегали по улицам, играли. И конечно же, мечтали. Мальчишки мечтали стать моряками или лётчиками, инженерами или путешественниками. Девчонки – учителями, врачами, артистками. Да мало ли о чём можно мечтать, когда ты юн и впереди у тебя целая жизнь!

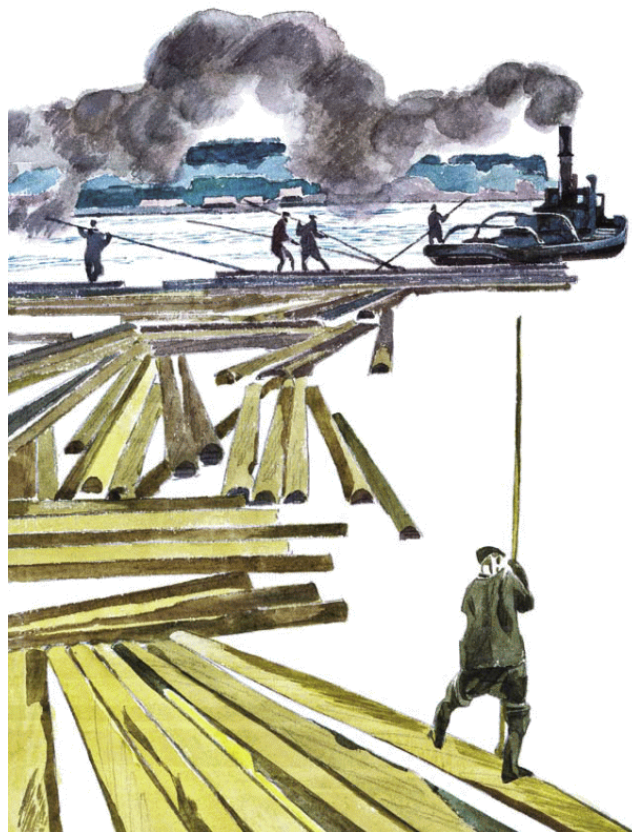
Но беззаботное, счастливое и полное надежд детство оборвалось 22 июня 1941 года, в самый обычный воскресный день, – началась Великая Отечественная война. Нет на свете страшнее этого слова – «война». В синем небе кружились вражеские самолёты, рвались бомбы и снаряды, в руины превращались города и сёла, лилась кровь. Мальчишки и девчонки повзрослели. В один строй, вместе с отцами и матерями, старшими сёстрами и братьями, встали они на защиту Отечества – как настоящие бойцы. Разведчики, санитарки и медсёстры, связисты и минёры... Такие совсем не детские профессии пришлось освоить вчерашним школьникам. Война огнём опалила их детство, научила плакать и научила терпеть боль, перено-

силь нечеловеческие страдания и лишения. Но не смогла сломить их дух и лишить главного – любви к Родине.

Не все они дожили до Победы. Но пока бьются наши сердца, мы сохраним в памяти имена тех, кто вместе со взрослыми приближал нашу великую Победу, – имена обычных мальчишек и девчонок. Настоящих героев.

Лёня Голиков (17.06.1926 – 24.01.1943)





В Новгородской области, в маленькой деревушке Лукино, что раскинулась на высоком берегу реки Полы, впадающей в озеро Ильмень, жил весёлый паренёк. Звали его Лёнька Голиков. Хоть ростом он был и невысок, но крепок и вынослив. Никто из мальчишек с ним в ловкости сравниться не мог. Дальше всех прыгал, быстрее всех бегал – не догнать Лёньку! Реку Полу, быструю и порожистую, легко переплывал.

Лёнька рос настоящим помощником. Как же иначе? Вместе с отцом перегонял он по реке большие тяжёлые плоты, связанные из брёвен. И дома по хозяйству дел невпроворот! Мать, Екатерина Алексеевна, целый день на работе, в колхозе. Вот и носил Лёнька воду из колодца, дома прибирал да ухаживал за скотиной – коровой и овцами, возился с сестрёнками. Играл с неугомонными девчонками, сказки им рассказывал. Сколько он их от матери услышал! Мастерца она была сказки рассказывать, а Лёнька всё запоминал.

А ещё на все руки мастер был Лёнька! Мог он и крышу прохудившуюся залатать, и окно покосившееся выправить. И дыру в заборе заколотить было для него пара пустяков. Всё успе-

вал! И учился к тому же хорошо, занятия в школе старался не пропускать. Хоть и далеко она – в соседнем селе, – да не беда. Несколько километров пробежать разве трудно для Лёньки?

Однажды в семье Голиковых случилась беда. Отец, перегоняя плоты, провалился в холодную воду, простудился и тяжело заболел. Пролежав много месяцев в постели, он больше не смог работать.

– Плох я стал, болезнь совсем замучила, – сказал как-то отец Лёньке. – Придётся тебе, сынок, отправляться на работу.

Отец устроил паренька учеником на подъёмный кран, грузивший на речные баржи дрова и брёвна. Нелегко было Лёньке, но семье помогать же надо!

Недолго проработал Лёнька.

* * *

Стоял тёплый, солнечный воскресный день. Лето, каникулы. Только гулять да отдыхать! Лёнька с ребятами отправился на речку купаться. Эх, здорово! Речка прохладная, быстрая. Так и несёт по течению. Плещутся ребята, ныряют.

Проезжавший мимо шофёр окликнул мальчишек:

– Эй, ребята! Купаетесь? Не слышали разве про войну?

– Какую войну?

– Война началась. Фашисты на нас напали. Гитлер города наши бомбит! Без предупреждения и объявления.

Солнце в небе померкло. Вода в реке остановилась. Небо тучами заволочло. Война!..

Страшная весть быстро разнеслась по деревне. Женщины плакали, у мужчин были мрачные лица.

Скоро в деревне остались одни старики, женщины и дети. Все, кто мог воевать, ушли на фронт. Тяжело пришлось мальчишкам. Заменяя взрослых, они все дни проводили в поле, убирали хлеб, возили снопы. Тут уж не до игр. Мальчишки трудились без усталости и всё время разговаривали о войне. Они не верили, что фашисты могут прийти в их родные места. Озеро Ильмень, река Пола – так далеки они от Германии! Ребята надеялись, что наши войска скоро разобьют Гитлера и отцы и братья вернуться домой.

Закончилось лето, наступила осень. Фашистские войска всё ближе и ближе подходили к деревне Лукино. Наши отступали.



Жители деревни не знали, как им быть, и решили уйти в глухой лес. Уж там фашисты вряд ли их отыщут.

В лесу Лёнька с отцом пришлось строить шалаши и землянки. Ведь надо же где-то жить, тем более зима уже не за горами.

Однажды Лёнька решил наведаться в деревню, узнать, что там и как.

Лёнька добрался до речки и издали услышал звуки выстрелов. Стреляли совсем рядом с деревней. По извилистой тропинке он поднялся от берега прямо к своему дому. Стараясь сильно не высовываться, Лёнька осторожно выглянул из-за угла. Деревня стояла пустая – ни души не видно. Стрельба тем временем то затихала, то начиналась вновь.

Вдруг на дороге появились солдаты. Паренёк сразу увидел, что солдаты не наши.

«Немцы! Пропаду!...» – испугался Лёнька. Надо было скорее уходить, пробираться назад в лес, к своим.



Внезапно тишину осеннего дня нарушила пулемётная очередь. Пересилив страх, Лёнька снова выглянул. Фашисты разбежались в разные стороны, стараясь укрыться от пуль. Стреляли откуда-то со стороны леса. Фашисты пытались отстреливаться, но безрезультатно. Их выстрелы не достигали цели.

«Кто же это стреляет?» – подумал Лёнька. И тут заметил, что за небольшим пригорком у самого обрыва прячется пулемётчик. Лёня подкрался к солдату и спросил первое, что пришло в голову:

– Помощь нужна?

– Ты кто? Откуда? – вздрогнул от неожиданности пулемётчик.

– Дяденька, да ты не бойся. Свой я. Здешний, деревенский.

– Ну... Если местный, воды принеси. А то во рту пересохло, сил нет – пить охота.

Лёнька осторожно пробрался к речке и зачерпнул воды кепкой – больше ничего подходящего не нашлось. Вернувшись, протянул её солдату. Тот жадно припал к воде.

– Ну, спасибо, брат, выручил. Сразу легче стало. Слушай, парень, уходить мне надо, пора... Тебя как зовут?

– Лёнька.

– А деревня-то как ваша называется?

– Лукино.

– Вот... Хорошо, буду знать, где дрались с фашистом. Спасибо тебе! А что это у тебя, парень, с ногой? Кровь, что ли? Дай-ка перевяжу.

Лёнька и не заметил, что его зацепила пуля. Где? Когда? Даже не почувствовал.

Солдат, разорвав свою рубашку, перевязал Лёнькину рану.

– Вот и ладно. Будь здоров! Крещение боевое прошёл. Сто лет ещё проживёшь. Так Лёнькой, говоришь, зовут? Вот что, Лёнька, вот что, боец, есть у меня дело для тебя, считай, приказ. Товарища моего сегодня убило здесь. Похоронить его надо по-человечески. Сделаешь?

Лёнька молча кивнул.

Пожав друг другу руку, они расстались.

Той же ночью ребята нашли и похоронили убитого солдата. Мальчишки молча, едва сдерживая слёзы, склонили голову над холмиком свежей земли. Взявшись за руки, они торжественно поклялись бороться с врагами до последней капли крови. Пулемёт и диски с патронами, найденные у убитого, они надёжно спрятали. Теперь у них было настоящее оружие!

А из деревни доносились голоса и треск моторов. Немцы захватили Лукино.



* * *

Время шло. Гитлеровцы всё же узнали, куда ушли жители деревни, и однажды нагрянули в лесной лагерь. С хозяйским видом расхаживали они между землянками, пряча в свои мешки награбленное добро. Кастрюли, сковородки, одежду... Тащили всё!

Один из фашистов схватил Лёньку за рукав.

– Эй, ты! Стоять!

Немец заметил, что на пилотке у паренька приколата красная звёздочка.

– Ещё раз увижу – повешу! – Он сорвал и швырнул пилотку на землю, вдавив её каблуком в грязь. – Пошёл вон!

Ничего не ответил Лёнька. Только кулаки сжал и зубы стиснул до боли. Ничего-ничего, фашист проклятый... Погоди!

Наступила зима. В лесу стало холодно и неприятно. Тяжело было и на сердце у Лёньки.

Немцам очень не нравилось, что местные жители прячутся в лесу, и вскоре они вынудили стариков, женщин и детей вернуться в свою деревню. Теперь жили тесно, по несколько семей в избе. Фашисты заставляли их работать на себя: стирать в ледяной воде грязное бельё, готовить еду, убирать. А платили за всё лишь ломтиком высохшего хлеба.



Между тем в деревне начали поговаривать, что где-то в лесу появились партизаны. Но где? Как с ними встретиться? Лёнька никогда их не видел.

Однажды к нему прибежал его товарищ.

– Лёнька! Дело есть. Я партизан видел. Представляешь, они мне задание дали! Настоящее партизанское задание. Надо достать сена для лошадей. Поможешь?

У Лёньки загорелись глаза:

– Конечно, помогу!

Через несколько дней мальчишки отправились выполнять полученное задание. Взяв подводы, они поехали на луга, на которых ещё с лета оставались стога сена. Загрузившись, ребята глухой дорогой повезли сено в лес, где их встретили партизаны.

Отряд отдыхал у костра. Чтобы не тратить время на разгрузку, партизаны предложили ребятам оставить их сани с сеном у себя, а взамен дать им другие.

Пока перепрягали лошадей, командир отряда спросил ребят, что происходит в деревне, и, прощаясь, поблагодарил их:

– Ну, спасибо, ребята! Выручили! Выручили! Раз вы такие молодцы – вот вам ещё одно поручение. Возьмите с собой вот эти листовки и раздайте их взрослым. Но только так, чтобы фашисты ничего не заметили.

В листовках партизаны призывали бороться с захватчиками, не сдаваться и не верить тому, что обещают гитлеровцы.



Здесь, в партизанском отряде, Лёня встретился со своим учителем Василием Григорьевичем. Мальчик попросил его:

– Василий Григорьевич, возьмите меня в партизаны! Я справлюсь, честное слово!

– Не знаю, не знаю... Хотя в школе-то, помню, ты отважным парнем был. Ну хорошо! – согласился учитель.

Так Лёня Голиков стал партизаном.

Первое время никаких важных поручений ему не давали: он пилил и колочил дрова, чистил картошку. Паренёк стойко переносил все тяготы нелёгкой партизанской жизни: не боялся ни холодов, ни долгих и трудных переходов по снегам и болотам, ни бессонных ночей.

Но Лёньке было мало просто жить в отряде, ему так хотелось стать настоящим партизаном – ходить в разведку и участвовать в боевых операциях. Он хотел отомстить тому фашисту, что растоптал его красную звёздочку!



Вскоре его желания стали сбываться: Лёньку стали посылать в разведку. Вместе с другим маленьким партизаном, Митяйкой, он одевался в лохмотья и отправлялся по деревням. Выпрашивая милостыню, ребята причитали:

– Добрые дяденьки! Подайте на пропитание!

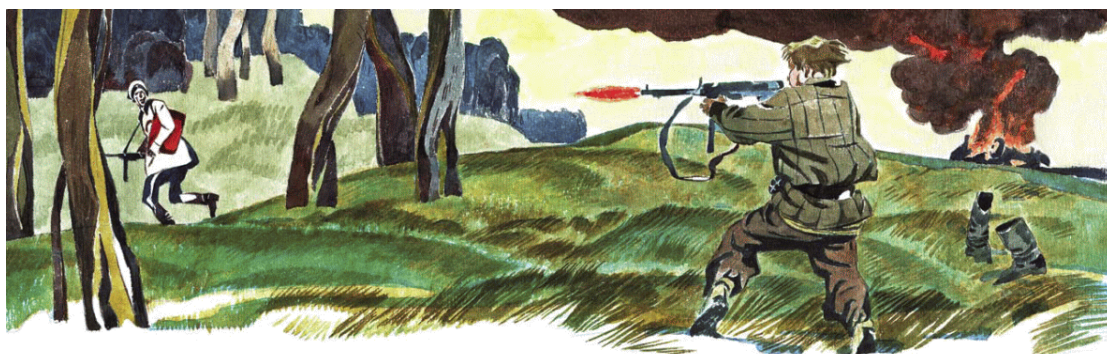
Фашисты чаще всего отворачивались, не обращая на мальчишек особого внимания. Но кое-кто норовил пнуть или ударить.

Ребята тем временем всё примечали и запоминали: где и сколько солдат, пушек, как расположены орудия и автомашины. Сведения, которые добывали маленькие партизаны, были просто незаменимыми.

Со временем ребятам стали получать всё более сложные задания. У Лёньки появилось собственное оружие – автомат, который он добыл в бою, и мальчика теперь брали подрывать вражеские поезда.

Однажды на железной дороге партизаны заложили мину. Когда поезд, гружённый пушками и танками, подошёл к нужному месту, Лёнька получил приказ дёрнуть шнур. Раздался оглушительный взрыв, взметнулся столб огня, начали рваться боеприпасы.

Партизаны побежали в сторону леса. Сзади слышались выстрелы. Это началась погоня. Лес был совсем близко, когда Степан, старший группы, вскрикнул и упал – пуля попала ему в спину. Идти Степан не мог.



– Степан, уйдём! Не бойся! – Лёнька подхватил его под мышки и, выбиваясь из сил, потащил к лесу.

Степан почти потерял сознание, но Лёнька упорно двигался к лагерю...

За спасение раненого товарища Лёню Голикова наградили медалью «За боевые заслуги».

* * *

Как-то вечером партизаны отправились выполнять очередное задание. Они спрятались у шоссе и стали дожидаться появления вражеских машин. Но всю ночь шоссе было пустынным. Наступило утро, и партизаны собрались уходить. Лёнька немного задержался и отстал от своих товарищей. Вдруг на дороге появился легковой автомобиль. Лёнька бросился к шоссе и спрятался за кучей камней на обочине.

Когда машина приблизилась, мальчик размахнулся и бросил гранату. Взрыв не сильно повредил машину. Она резко затормозила, из неё выскочил гитлеровский офицер и побежал. В руках он держал автомат и портфель.

Лёнька выстрелил, но не попал и решил догнать фашиста. Немец оглянулся и увидел, что за ним гонится какой-то мальчишка. Мальчишка был совсем маленьким! Фашист остановился и дал короткую очередь из автомата. Лёня пригнулся и сделал ответный выстрел.

Погоня продолжалась довольно долго. Лёнька окончательно выбился из сил и начал отставать. Сейчас фашист уйдёт! Всё пропало! Не догнать! У Лёньки оставался последний патрон. Паренёк прицелился и этим последним выстрелом сразил офицера наповал.

Лёня подобрал автомат и портфель немца. Неподалёку валялся китель офицера. Судя по погонам, это был генерал.

Вот так – в генеральском кителе, с двумя автоматами и портфелем в руках – Лёнька появился в партизанском отряде.

Партизаны не могли удержаться от смеха: уж очень уморительно выглядел Лёнька.

В портфеле оказались очень важные на вид документы. Чтобы прочитать их, срочно вызвали переводчика.

– Молодец, Лёнька! Настоящий разведчик! – похвалил Голикова начальник штаба отряда. – Сейчас про тебя в Москву сообщать будем.

Произошло это 13 августа 1942 года.

Через некоторое время из Москвы пришла радиограмма. В ней говорилось, что всех участников операции, захвативших такие нужные документы, решено представить к высшим наградам. В Москве же не знали, что захватил эти документы один Лёнька.

Так Лёня Голиков стал Героем Советского Союза. Ему было всего шестнадцать лет.

Целый год сражался Лёня Голиков с фашистами. В боевой характеристике о Голикове сказано: «Участвовал в 27 боях, уничтожил 78 гитлеровских солдат и офицеров, участвовал в подрыве двух железнодорожных мостов и 12 шоссежных, уничтожил 2 склада с продовольствием и фуражом, 10 машин с боеприпасами».

Леонид Александрович Голиков погиб смертью храбрых 24 января 1943 года в неравном бою под селом Острая Лука Псковской области. На его могиле поставлен обелиск, а на одной из площадей Великого Новгорода юному герою воздвигнут памятник.



Марат Казей
(29.10.1929 – 11.05.1944)





Детство Марата Казея прошло в небольшом белорусском селе Станьково. Был он обычным мальчишкой – невысоким, озорным, с весёлыми и добрыми глазами. Как и все его сверстники, закончил 4 класса. Как все, мечтал о подвигах. Маратом его назвал отец, бывший матрос Балтийского флота, в честь линкора «Марат», на котором ему довелось служить. Хотелось Марату быть и моряком-героем, и красным командиром, и разведчиком.

Когда мальчику не было и семи лет, отец его умер, и Марат остался единственным мужчиной в семье, опорой для матери, Анны Александровны, и старшей сестры Ады.

22 июня 1941 года началась война. В тот же день Марат случайно встретил на кладбище двух незнакомых людей. Одеты они были как красноармейцы, но что-то в их облике насторожило мальчика. Глаза у них беспокойно бегают, сами то и дело озираются по сторонам – то ли чего-то опасаются, то ли вынюхивают что.

«Странно. Что-то здесь не так», – подумал Марат, внимательно разглядывая «красноармейцев».

– Эй, мальчик, принеси-ка нам молока и хлеба, – попросили незнакомцы.

Тут паренёк заметил, что у «красноармейцев» кобура с пистолетом висит прямо на животе.

«Нет... Наши солдаты так оружие не носят. Немцы!» – догадался Марат.

– Сейчас, дяденьки! Я мигом!

Марат быстро побежал в деревню. Едва переводя дух, влетел он в свою избу. А там сидели пограничники. Мать Марата кормила их горячими щами. Марат с порога крикнул:

– Скорее! На кладбище фашисты!

Пограничники тут же сорвались со своих мест и бросились за пареньком.

Коротким и безопасным путём Марат привёл их на кладбище. Началась перестрелка. Проезжавшие мимо красноармейцы помогли пограничникам задержать переодетых фашистов. Так с помощью Марата был задержан вражеский десант.

– Хорошего сына вырастили, настоящего бойца! – благодарили потом Анну Александровну солдаты.

* * *

Вскоре вся Белоруссия была оккупирована немцами.

В Станьково и других сёлах разместились вражеские гарнизоны. В здании школы, где учился Марат, гитлеровцы устроили казарму, а многих учителей угнали в Германию.

Мама Марата, Анна Александровна, с самого начала войны поддерживала связь с партизанами, помогала им чем могла. За это немцы схватили её и повесили на площади в Минске.

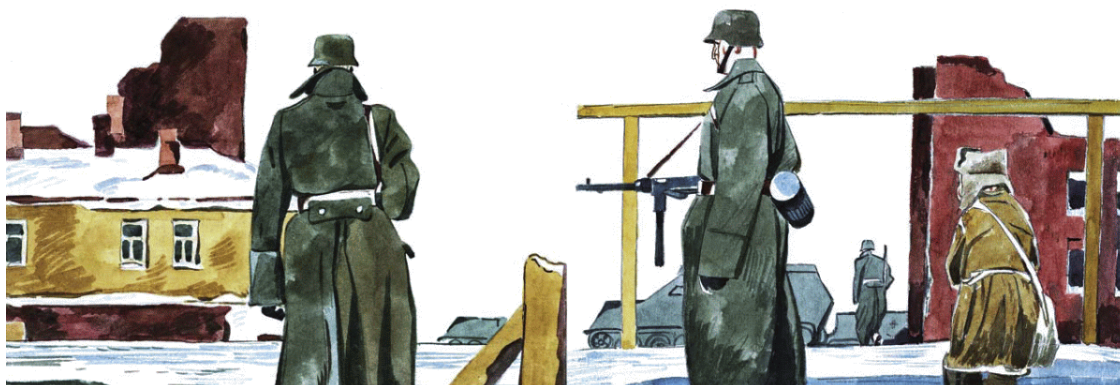
Узнав об этом, Марат вместе с другими ребятами и сестрой Адой ушёл в Станьковский лес, к партизанам. Он стал разведчиком сначала партизанского отряда имени 25-летия Октября, а затем разведчиком штаба 200-й партизанской бригады имени К. К. Рокоссовского.

С нищенской сумкой за плечами, в латаной одежде и лаптях бродил он по дорогам. Заходил в деревни, запоминал, где стоят вражеские посты и пушки, сколько солдат находится в гарнизонах, как расставлены и замаскированы пулемёты. Зашёл он однажды и в город Дзержинск.

Долго бродил Марат по улицам города, выпрашивая милостыню.

Не узнать города! Чужой, недобрый, затаившийся. Вот здесь когда-то стояла гипсовая фигурка горниста. А теперь вместо неё – виселица. По городу по-хозяйски разгуливают немецкие солдаты и офицеры. Повсюду немецкие вывески, слышна незнакомая речь, развеваются на ветру фашистские флаги.

Не зря ходил по городу Марат. Прошло несколько дней, и партизанский отряд разгромил фашистов в Дзержинске – сведения разведки помогли.



* * *

Ранней весной партизанский отряд стоял в деревне Румок. Из сожжённых и разорённых сёл сюда тянулись люди: старики, женщины, дети, подростки. Они просили партизан накормить их, а потом дать оружие и взять в отряд. Особенно много приходило женщин. Их никогда не задерживали и сразу же пропускали.

Однажды разведка доложила, что к деревне подходят женщины с маленькими детьми. Тут же был отдан приказ принять гостей – накормить, обогреть. Внезапно к штабу прискакали конные связные:



– Тревога! Это не женщины! К деревне подходят переодетые немцы!

Партизаны быстро приготовились к бою, и конники понеслись вдоль деревни. Впереди всех летел на коне Марат. Засвистели пули. Немцы распеленали своих «младенцев» – это были автоматы, – и началась яростная перестрелка. Гитлеровцы забросали деревню гранатами, загорелись избы, вспыхнула мельница. Силы оказались неравными. Командир роты упал, обливаясь кровью.

Пули свистели над самой головой мальчика, но он всё-таки успел доскакать до командного пункта. Там, укрыв коней за хатой, его ждали связные и командир бригады Баранов.

– Ребята! Марат! Выручайте. Без помощи нам не обойтись.

Марат знал, что в семи километрах от Румка стоял партизанский отряд имени Фурманова. Фурмановцы могли бы зайти немцам в тыл и помочь партизанам, но как сообщить им об этом? Чтобы попасть в лес, где стоял отряд, надо было пересечь поле, над которым свистели пули и рвались снаряды.

Марат решительно направился к своему коню Орлику.

– Слышишь, малец! Ты там поосторожнее... – с тревогой в голосе попросил Марата комбриг.

Мальчик крепко сжал протянутую ему руку.

Партизаны с надеждой следили за маленькой фигуркой Марата, который прижался к спине своего верного Орлика. Связные, скакавшие впереди паренька, были убиты – им не удалось даже выбраться из деревни.

Наконец Марат скрылся в спасительном лесу. Тут уж его никакая фашистская пуля не достанет!

Спустя некоторое время за спиной у гитлеровцев появились партизаны и открыли огонь по немцам. Вскоре бой был закончен. Так Марат спас жизнь своим боевым товарищам.

И всё же бригаде пришлось оставить Румок.

* * *

Через несколько месяцев партизаны вернулись в Станьковский лес.

Однажды Марат отправился в разведку вместе со своим товарищем, комсомольцем Александром. Ушли да точно пропали. Пора бы им уже и вернуться! Партизаны начали беспокоиться. Вдруг видят: по дороге машина мчится. Немцы? Схватились за оружие. Пригляделись – а это Марат и Александр! Оказалось, что ребята и машину из-под носа у немцев угнали, и ценные сведения раздобыли. Герои!

Но мечта Марата участвовать в подрыве вражеских поездов пока не сбывалась. Сколько ни просил Марат взять его на железную дорогу, не соглашались подрывники: мал ещё. Вот и весь разговор!



Но Марат не отставал – прилип к минёрам как репей. И вот однажды уговорил всё-таки!

Группа разведчиков подошла к деревне Глубокий Лог. Кругом вражеские заставы и посты. Надо было встретиться со связным и узнать, не грозит ли подрывникам, отправляющимся на железную дорогу, опасность. Идти по деревне днём нельзя, а ночи дожидаться – только время терять.



– Я пойду! – вызвался Марат.

Переодевшись нищим, мальчик отправился в казавшуюся безлюдной деревню. Вскоре он вернулся и сообщил, что дорога заминирована и кругом засады.

Пришлось партизанам добираться до железной дороги обходными путями. Шли долго, гуськом, на расстоянии двух-трёх метров друг от друга. Ступали след в след. И Марат с ними. Шаг-то у паренька маленький – не дорос ещё. Вот и прыгал как заяц по снегу. А снег в апреле тяжёлый, водянистый. Ноги так и проваливаются. Да Марату всё это нипочём.

Становилось всё холодней. Марат начал уставать. Да вот ещё умудрился неудачно упасть и сильно повредил руку. От боли мальчик едва не вскрикнул, но стиснул зубы и пошёл дальше. Нельзя кричать – почти добрались до места. Вот уже и немецкая речь слышна, а небо то и дело озаряют вражеские ракеты.

В полной темноте партизаны заминировали железнодорожные пути и стали ждать. Наконец вдалеке они увидели сноп искр, вырывавшихся из трубы паровоза.

– Марат! Давай! – Мальчик почувствовал, что старший группы протягивает ему подрывную машинку, схватил её и повернул рукоятку.

По лесу пронёсся гул, и короткая вспышка озарила всё вокруг. Под откос с грохотом полетели вагоны вражеского состава.

«Вот вам! За всё! За товарищей моих! За маму! За сестру! За Родину!...»

* * *

Весна 1944-го... Май. Зелёный, тёплый. Вот уже и первые листочки пробиваются сквозь зимнюю спячку. И птицы распелись-разгалделись. И небо – голубое-голубое.

Марат в составе группы разведчиков под командованием Михаила Ларина отправился на новое задание. А верный конь Орлик – вот он, всегда рядом со своим юным хозяином. Сколько раз выносил он Марата из смертельного боя! Ни разу не подвёл.

Деревня, к которой вечером вышли партизаны, выглядела опустевшей – ни огонька, ни звука. Но партизаны хорошо знали: тишина часто бывает обманчивой. Осторожно пробрались они к избе, стоящей у самого края леса, решив остановиться в ней на ночлег.

Постучали в окошко – никто не ответил. Постучали ещё раз...

В темноте окна медленно проплыл тусклый огонёк свечи. Дверь им открыл совсем дряхлый дед в домотканной рубахе и молча пропустил в избу.

– Дедуль, переночуем мы тут у тебя. А рано утречком уйдём, – успокоил старика Михаил и попросил, если возможно, хоть чем-нибудь покормить коней.

Уставшие партизаны, не раздеваясь, улеглись на лавки. Даже от скромного угощения отказались.

Марату казалось, что он только-только закрыл глаза, как вдруг кто-то затряс его за плечо:

– Вставай! Немцы! На коней! К лесу!

Застрочил пулемёт. Партизаны выскочили из избы и стали пробираться к лесу.

Прижавшись к гриве верного Орлика, Марат скакал к спасительному краю леса, темневшему в предзвездной дымке. Но тут вражеская пуля настигла коня, и он упал, увлекая за собой всадника. Марат, не чувствуя боли, сразу же поднялся и побежал по полю к кустам, за которыми была ложбинка. «Только бы добежать! Ничего, успею! Успею...»

Со всех сторон свистели пули. Мальчик сполз в ложбинку, отстегнул от ремня гранату и взял в руки автомат.



Когда фашисты были уже совсем близко, Марат прицелился и застрочил по цепи солдат. Но внезапно автомат замолк. Кончились патроны!

«Ну где же наши? Почему они не стреляют?» Марат так и не узнал, что Михаил Ларин не сумел добраться до леса – был убит посреди поля. Его боевые товарищи тоже погибли. Марат остался один на один с фашистами.

Гитлеровцы начали заходить с двух сторон, окружая мальчика.

«Они хотят взять меня живым! – мелькнуло у Марата. – Не выйдет!» Он выхватил гранату и стал дожидаться, пока гитлеровцы подойдут поближе.

– А ну, подходи! Давай, коли не боишься!

Поднявшись во весь рост, с гранатой в руке, Марат шагнул им навстречу...

Взрыв гулким эхом прокатился над лесом, до которого Марат так и не успел добежать.

Это случилось 11 мая 1944 года. За год до Победы.

Юного партизана похоронили в его родной деревне Станьково.

Сестра Марата, Ариадна, сражалась в партизанском отряде вместе с братом. Зимой 1943 года она отморозила обе ноги, но выжила. Ариадна навсегда сохранила память о своем младшем брате-герое.



За участие в боевых операциях юный партизан Марат Иванович Казей награждён медалью «За боевые заслуги», медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны 1-й степени. Марату посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В Минске юному герою установлен памятник.



**Лара Михеенко
(1929 – 04.11.1943)**





Жила Лара Михеенко в Ленинграде, на Выборгской стороне. Озорная, весёлая, шустрая и отчаянная, как пацан. И в городе-то по деревьям и заборам лазила, а уж летом в деревне, где гостила на каникулах, и подавно! То с мальчишками наперегонки бегает, то речку на спор переплывает. Ничего не боялась!

А ещё была Лара доброй и отзывчивой, всегда была готова прийти на помощь.

Однажды зимой, когда девочка была ещё совсем маленькой, она не испугалась поздно вечером отправиться на станцию, чтобы встретить свою маму с работы.

По-доброму относилась Лара ко всему живому. Кошек и собак бездомных домой таскала, птиц раненых подбирала – кормила, лечила. Бабушка и мама только руками разводили:

– Ларочка! Ну сколько можно! Зачем?

– Да как вы не понимаете?! Им же плохо...

Детство – счастливая пора! Лара прилежно училась, зачитывалась книжками, с подружками танцевала, на гитаре играла, песни пела.

И не думала – не гадала девочка, что очень скоро жизнь пойдёт по-другому. Совсем по-другому.

* * *

Закончился очередной учебный год. Наконец-то лето!

Лара вместе с бабушкой поехала погостить у своего дяди Лариона в деревне Печенёво, что в Калининской области (теперь это место относится к Псковской области). Здесь, в Печенёве, и застала их Великая Отечественная война. Лара написала матери письмо, и оно успело дойти до адресата в Ленинграде:

«Мамочка, дорогая! Очень тебя люблю и скучаю, но дорогу разбомбило, проехать нельзя. Я бы могла пешком, но бабушка не дойдёт. А я не оставлю бабушку».

Вскоре вся округа была занята фашистами. По просёлочным дорогам брели беженцы из сожжённых деревень. Каждый день слышала Лара плач и причитания девушек, которых разлучали с родными и увозили в Германию – в рабство. Видела она, как повели на казнь учителя из соседнего села и его дочку, потому что они не сдали радиоприёмник и продолжали слушать Москву. Расстреляли их на окраине Пустоши.

Сердце девочки сжималось от боли и жалости. Она не переставала думать о маме: «Как она там, в Ленинграде?»



А между тем житьё у дядьки Лариона было совсем не сладким. Он и смотрел на них исподлобья, и куском хлеба попрекал. Однажды подозвал мать и племянницу, да и сказал напрямик – как отрубил:

– Ты, мать, вот что: собирай-ка вещи да вместе с Ларкой жильё себе ищите. Мне лишние рты не нужны. Своих хватает.

Бабушка ахнула:

– Сынок... Да что ты! Родную же мать гонишь! И Ларочка тебе не чужая.

Ларион промолчал, только глаза отвёл.

Но жена Лариона не выдержала – сжалилась над старухой и девочкой и разрешила им пожить в закопчённой баньке. Лара с бабушкой устроились в избушке-развалюхе.

Жить было тяжело. Старенькая избушка насквозь продувалась ветром, ели и лебеду, и картофельные очистки. Но с голоду не умерли: добрые люди то хлеба принесут, то молока. К Ларе часто приходили её подружки, Фрося и Рая, рассказывали последние новости.

А новостей было много. Дядю Лариона немцы сделали старостой, но этому никто не удивился. Чего ждать от человека, который родную мать из дома выгнал? «В лесу, – говорили девочки, – появились партизаны: то мост подорвут, то немецкий грузовик».

Фашисты устраивали облавы на партизан, жестоко расправлялись с арестованными. Но жители окрестных деревень всё равно уходили в леса.



Однажды Рае, самой старшей из девочек, велели явиться в лагерь. Все знали, что из него одна дорога – в Германию. А уж оттуда возврата не было.

Девочки понимали, что такая судьба ждёт не только Раю, но и Лару с Фросей, и решили уйти к партизанам.

* * *

В тот последний вечер Лара долго не ложилась спать. Она сидела рядом с бабушкой и держала её за руку. Глаза девочки были мокрыми от слёз.

– Ну что ты, милая... – Бабушка ласково гладила Лару по голове. – Вот увидишь: победим мы этих проклятых фашистов. Всё у нас будет хорошо. Пойдём спать, внучка.

Они вернулись в свою развалюху и ещё немного посидели рядом. Наконец бабушка улеглась на жёсткую лавку и скоро заснула.

Лара подошла к ней и поцеловала:

– Прощай, бабушка! Дорогая ты моя... Не знаю, увидимся ли ещё. Но в Германию меня не угонят – в рабстве я жить не буду. Я воевать уйду, к партизанам. Прощай...

Девочка ещё раз поцеловала бабушку и вышла из избушки, тихо притворив за собой дверь.

На рассвете подружки встретились с приятелем старшего брата Фроси, Пети, который уже давно находился в партизанском отряде. Он и стал их проводником.

Долго блуждали они по лесам и болотам, прежде чем добрались до штаба 6-й Калининской бригады майора Рындина в деревне Кривица, спрятавшейся в глухом лесу, неподалёку от озера Язно. По одну сторону этого озера земли были заняты фашистами, по другую – партизанами.

Девочек отвели в штабную избу.

– Что? Тринадцать лет? Четырнадцать? Малы ещё! Какие из вас разведчицы? Вам ещё в игрушки да в куклы играть. Обрато ступайте! И без вас хлопот хватает! – рассердился комбриг.

Но подруги заявили, что назад не вернутся.

Махнув рукой, комбриг отвернулся и продолжил разговор, который вынужден был прервать с приходом девочек. Речь шла о том, что в деревню Орехово фашисты согнали крестьянский скот. Надо бы отбить добычу у грабителей! Да только как? Где у немцев орудия спрятаны? Как часовые расставлены? Как узнать? Кого в разведку послать? Все девушки-разведчицы на заданиях, а парня сразу арестуют.

Подружки незаметно прислушивались. Про них вроде бы уже и забыли.

Вдруг Лара шагнула вперёд:

– Мы пойдём в Орехово! И всё узнаем.

– Ишь ты, шустрые какие!.. А как ответите, если спросят, что вам понадобилось в Орехово? – Комбриг внимательно смотрел на девочек.

– А скажем, что к тётке за рассадой капусты. Весна же. Огород сажать надо, – не растерялась Лара.

«Смышлёная девчонка! Такая не подведёт».

Комбриг кивнул:

– Ну что ж...

Наутро девочки отправились выполнять своё первое задание. Вот уже и солнце садится, вечер наступает. От озера прохладой повеяло. А юных партизанок всё нет и нет.

«Да где же они? – Комбригу не давала покоя мысль, что он отправил девонок в самое логово врага. – Что с ними? Попались? Пароль забыли?»

До боли в глазах вглядывался он в озёрную даль. Ну наконец-то! Плот. А на плоту – девочки. Босоногие, ёжатся от холода. Вернулись! На сердце у комбрига потеплело: живые!



Отлично выполнили своё первое задание подружки. Где часовые, где орудия – всё разузнали. Партизаны, получив от подруг такие точные сведения о том, сколько фашистов в деревне, сколько орудий и где они расположены и когда меняются часовые, через несколько дней отбили крестьянский скот у немцев.

После этого успешно выполненного задания партизаны приняли Лару, Фросю и Раю в свою боевую семью. Здесь, перед лицом товарищей, принесли девочки партизанскую клятву верности Родине и ненависти к её врагам.

* * *

Никто и не спрашивал, почему девочки, одетые в лохмотья, бредут по пыльной деревенской дороге. Ясно: милостыню просят.

– Подайте на пропитание! – причитает Лара.

– Люди добрые, помогите! – вторит Рая.

– Тётенька! Пустите беженок переночевать! – голосит Фрося.

Пустят добрые люди «беженок» переночевать, а вечером уже носятся они по деревне – в салки с местными ребятами играют. А одна, кудрявая и глазастая, так и норовит мимо замаскированных орудий прошмыгнуть, мимо часового. Всё видит, всё запоминает.

А то наймётся в няньки кареглазая девчонка и тащит малыша куда-нибудь подальше в поле – свежим воздухом дышать. И незаметно зарисовывает «олений» и «тигров» – опознавательные знаки немецких машин.

Или спрячутся девочки на дереве в густой листве и подают партизанам условный знак, какие немецкие машины по дороге проедут. Будто кукушка кукует: быстро и тоненько – мотоцикл, медленно – грузовик.

Скоро Лара стала связной между партизанскими частями и теми преданными людьми, которые жили в окрестных деревнях и чем могли помогали бороться с врагом. Попала она как-то раз к старику Гультияеву. Тот из окна своей избы, что стояла у самой железной дороги, незаметно вёл подсчёт немецким поездам, прибывающим на станцию Пустошка. Только не сразу поверил дед, что Лара – связная. Девчонка же совсем! Но убедила его Лара. Доверился ей Гультияев.



По-прежнему прикидываясь нищенкой, девочка бродила по деревням. Сведения, которые добывала и доставляла в отряд юная партизанка, порой оказывались бесценными и по-настоящему помогали сражаться с фашистами.

* * *

Сколько их было – пыльных дорог, занятых фашистами деревень... Болят сбитые в кровь босые ноги. Солнце печёт немилосердно – даже платок не спасает. Во рту пересохло. Лечь бы сейчас куда-нибудь в тенёчек, поспать немножко. Да хоть вон под ту берёзку! Но нельзя. Надо идти.

И снова раздаётся:

– Подайте сироте хлебушка!

Вот и сейчас надо до деревни Сельцы добраться. Там немецкий гарнизон расположился. Фашисты школу испоганили, казарму в ней устроили. Всё высмотрела Лара: где пулемёт стоит, на какую сторону двери и окна выходят. Одного только не узнала – когда часовые сменяются. А без этого школу от немцев не очистить. К дядьке Ивану Сморыге надо идти, он поможет – свой человек, связной.

Лара подошла к дому Сморыги и заголосила – звонко, пронзительно:

– Ой, не гоните, добрые люди! Ой, с голоду умираю!

Выглянул Иван в окно и сразу узнал Лару. Выскочил из избы, кинул хлебные корки в нищенскую суму:

– Иди-иди, бродяжка. Ещё украдёшь что...

А сам тихонько, одними губами, прошептал девочке:

– На пост часовые вечером в восемь заступают, сменяются через два часа.

– Ой, спасибо, родненький! Не дал с голоду пропасть.

Глаза у Лары весёлые – ещё бы: всё, что надо, узнала! Ну держитесь теперь, фашисты!

Через два дня партизанский отряд незаметно окружил немецкий гарнизон и освободил школу.

Однажды Ларе удалось доставить в партизанский отряд письма из немецкой полевой почты. Девочка спрятала их на дно своей сумки и прикрыла хлебными корками. Спасибо ребятам – Коле и Васе. Они нарочно поступили в полицаи, чтобы иметь возможность помогать партизанам. Это они похитили и передали Ларе письма, благодаря которым наше командование узнало, что две немецкие дивизии переброшены с Карельского фронта в псковские леса.

* * *

Холодным и дождливым осенним вечером Лара вместе с подружкой зашла в деревню Игнатово. Они выполняли очередное задание. Здесь на окраине стоял дом, где жили верные люди и часто останавливались партизаны. У хозяев всегда можно было расспросить о том, что происходит в деревне и в окрестностях. А заодно погреться и поесть горячей картошки. Уставшие девушки присели на лавку. В избу вошли два вооружённых партизана, и хозяйка пригласила всех за стол.



Ребята улыбнулись девушкам:

– Ничего, девчонки! Скоро всё закончится. Наши войска уже совсем близко, и мы разобьём Гитлера. А вы вернётесь домой.

Лара вспомнила, как утешала её бабушка: «Вот увидишь: победим мы этих проклятых фашистов. Всё у нас будет хорошо».

Неужели действительно скоро война закончится и она увидит маму и бабушку?! Вернётся в родной дом?! Сколько раз предлагали ей улететь на Большую землю на самолёте! Но разве же она могла? Вот и пряталась в лесу – пережидала, пока самолёт не улетит.

Внезапно за окном мелькнули солдатские каски.

– Немцы!

Вооружённые автоматами немцы ворвались в избу. Партизаны встретили их огнём, но сразу же были убиты.

Фашисты схватили хозяйку:

– Партизанам помогаешь?

– Да я и знать их не знаю, первый раз вижу. Сами в избу ворвались, ещё и угрожали мне! – отвечала женщина.

– А это кто? – немец указал на Лару.

– Да это дочка моя! – изо всех сил продолжала сопротивляться хозяйка.

– Обыскать её! – И немец схватил девушку.

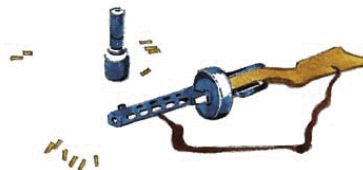


Не дожидаясь, пока фашист обнаружит в кармане Лариного пальто ручную гранату, девушка сама вытащила её и, размахнувшись, бросила на пол. От неожиданности все попадали, но вместо взрыва наступила полная тишина. Не понимая, что произошло, Лара открыла глаза. Граната не взорвалась.

Лара Михеенко, четырнадцатилетняя партизанка, была расстреляна 4 ноября 1943 года. На месте расстрела Ларисы на станции Пустошка Псковской области ей установлен обелиск.

Лариса Дорофеевна Михеенко посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Сейчас орден Лары хранится в городе на Неве, в музее обороны Ленинграда.



Валя Котик
(11.02.1930 – 17.02.1944)





Дружная семья со славной фамилией Котики – отец, Александр Феодосиевич, мать, Анна Никитична, и два сына, старший Витя и младший Валя, – жила в маленьком украинском селе Хмелёвка.

Отец с матерью целые дни пропадали на работе: Анна Никитична – в колхозе, Александр Феодосиевич плотничал. Был он мастером на все руки. Всё в доме его руками сделано было. И соседям помогал, никогда никому не отказывал: и табуретку починит, и стол поправит, и наличники на доме резные сделает – загляденье! Настоящий умелец.

Уходили родители из дома на заре, а возвращались, когда стемнеет. Всё хозяйство на мальчишек оставляли. И вроде небольшое хозяйство у Котиков, а хлопот полным-полно. Витя с Валею пасли на лугу корову, работали в огороде, носили в полдень матери в поле обед, а летом и осенью отправлялись в лес за грибами и ягодами. А есть же ещё и важные мальчишечьи дела: на речку сбегать, с приятелями по улице погонять.

Любознательным рос Валя. То найдёт в сарае какие-то железки и шестерёнки и давай чудо-машину мастерить. То у дядьки Афанасия книжки отыщет по агрономии и так засмотрится на рисунки – за уши не оттянешь. Отец Вали как-то заметил, что он дядькины книжки таскает, и рассердился на сына:

– Не трогай чужое! Порвёшь ещё.

Но сам съездил в город и купил Вале детские книжки – яркие, с картинками. Пусть парень разглядывает, всё равно ведь читать пока не умеет.

Витю в сентябре приняли в школу, а как быть с младшим, никто не знал. Хотя мал был паренёк – по возрасту не подходил для первого класса, – зато сообразителен, прилежен и настойчив не по годам. Мать купила ему ручку и тетрадки – пусть в школу поиграет! Да только не играл Валя, а делал всё всерьёз. Садится Витя уроки делать, а Валя уже рядом, читает Витя вслух, а Валя внимательно слушает, запоминает. И добился своего! Явился как-то в класс и заявил прямо с порога:

– Я учиться хочу!

Пришлось принять Валу в школу.

* * *

Время шло. Учился Валя всегда хорошо. С похвальной грамотой окончил он пятый класс, и отец подарил ему велосипед. Ни у кого такого не было. Эх, как завидовали ему ребята! Да только Валя никогда не жадничал – всем давал покататься.

Наступило лето, и ребята с самого утра убегали в лес и на озеро – купаться, загорать, ловить рыбу. Ну и на велосипеде кататься, конечно.

Однажды мальчишки собрались на рыбалку. Валя выбежал на улицу, но вскоре вернулся домой – бледный, испуганный.

– Да что такое с тобой, сыночек? – спросила мать. – На тебе лица нет. Повстречал кого, что ли?

Валя крикнул:

– Война! Немцы на нас напали!

* * *

Отец Вали ушёл на фронт – сражаться с фашистами.



Радио приносило нерадостные вести. Как ни бились наши бойцы, советским войскам приходилось отступать. Фашистские армии всё дальше и дальше продвигались на восток. Захватывали города, жгли деревни и сёла, убивали мирных жителей или уводили их в немецкое рабство.

Немцы подступали к Шепетовке, куда ещё до войны переехали Котики. В городе началась эвакуация. Но мать Вали решила пока остаться в родном доме.

Как-то раз Валя, возвращаясь из леса, заметил четырёх милиционеров в новенькой, словно только что сшитой форме. Валя спрятался за дерево – на всякий случай – и прислушался. До мальчика донеслись обрывки немецких фраз. «Какие же это милиционеры!..» – возмутился мальчик и опрометью бросился из леса. Встретив на окраине города красноармейцев, он всё рассказал им.

Вскоре в лесу послышались выстрелы, завязалась небольшая бой. «Милиционеров» взяли в плен – они оказались немецкими диверсантами.

На следующий день немецкие части подошли совсем близко к городу, и мать Вали решила срочно покинуть Шепетовку. Но уйти не удалось: фашисты уже заняли городские окраины. Пришлось вместе с остальными беженцами возвращаться домой.

* * *

Немцы всю хозяйничали в Шепетовке. Они сожгли музей, устроили возле леса лагерь для военнопленных, а родную школу превратили в конюшню. Валя не знал, что делать. С кем посоветоваться? Друзья, Коля и Стёпа, стали неразговорчивыми, угрюмыми, на все вопросы строго отвечали: «Мал ещё, подрасти немного».

Валя бродил по городу, сжимая зубы от ненависти к новым хозяевам, и едва сдерживал слёзы. Плакать нельзя! Ещё увидит кто. Но и сидеть сложа руки тоже не годится. Надо что-то делать.

Иногда над Шепетовкой пролетали самолёты. «Наши, – с тоской думал Валя, глядя в небо. – Вот бы мне к ним!»

Самолёты сбрасывали листовки. Валя собирал их, незаметно расклеивал по городу или распространял среди жителей. Фашисты, натываясь на листовки в самых людных местах, ломали голову, не понимая, кто же это делает. Неужели партизаны? Но как они проникли в город? Разве могли они предположить, что этим «партизаном» был обыкновенный мальчишка, бывший школьник?!



На квартире у Котиков поселился жилец. «Предатель! На немцев работает», – с ненавистью думал Валя. Мальчик не знал, что Степан Диденко – так звали постояльца – вовсе не предатель, а бывший военнопленный. Директор шепетовского лесозавода помог ему бежать из плена и сделать фальшивые документы. Диденко устроился на работу на сахарный завод и вскоре стал участником подпольной организации, которая действовала в Шепетовке. Валины друзья, Витя, Коля и Стёпа, давно уже были её членами, и теперь Диденко приглядывался к Вале. Да больно мал – всего-то двенадцатый год. И горяч слишком, чувств своих скрыть не умеет.

Осенью в Шепетовке открылась школа – немецкая. Учить ребят по-настоящему там никто не собирался. Местный полицай силой загонял детей на «уроки», где их заставляли работать: пилить дрова, собирать в лесу разные лекарственные растения. Немецким солдатам всё пригодится! Да ещё в школе рассказывали о всемогуществе и силе «непобедимой» гитлеровской армии. Ходить в такую школу Валя не собирался. Были дела и поважнее. Ранним утром убежал он из города и бродил по его окрестностям, выходил на просёлочные дороги и вглядывался в небо, прислушиваясь, не пролетит ли советский самолёт.

Однажды Валя вернулся домой поздно вечером. Он целый день без устали шагал по лесным дорожкам, пробирался сквозь заросли и бурелом. Чуть в болото не угодил. Но дождался. Вот он, наш самолет! Собрав листовки, мальчик засунул их в ботинок. «Эх! Совсем башмаки прохудились. Ну да ничего. Не время сейчас новые покупать!»

Валя так устал за день, что едва дополз до кровати, бросив ботинки на пороге.

Степан Диденко, придя домой ещё позже Вали, прямо у дверей чуть не упал – споткнулся обо что-то.

«Да-а... Видать, парень за день набегался – даже ботинки не прибрал. Вот этот, левый, совсем дырявый. Надо бы починить!» – подумал он. Взяв в руки башмак, Степан неожиданно

обнаружил в нём листовки. «Так вот, значит, кто у нас „партизан“, вот кто листовки по городу расклеивает. Пожалуй, этому пацану можно доверять!» – радостно решил он.

С этого дня Валя Котик тоже стал членом подпольной организации и начал выполнять серьёзные, взрослые поручения.

Вместе с другими ребятами он ходил в разведку и уточнял расположение немецких войск, собирал и прятал в тайник найденные патроны, оружие, минировал дороги, по которым проезжали немецкие легковые автомобили и грузовики.



На территории мясокомбината был зарыт ручной пулемёт. Валя откопал его, аккуратно разобрал на части и на своём велосипеде через весь город перевёз в лес к партизанам. Ну едет себе мальчишка на велосипеде и едет. Никто и не заподозрил, что везёт он не что-нибудь, а пулемёт! Нечего сказать – одурачил фашистов.

В другой раз Вале дали не менее ответственное поручение, какое не всякий взрослый выполнит. Из лагеря бежали шестнадцать польских военнопленных. Надо было проводить их в лес, в партизанский отряд Антона Одухи. Справился паренёк! Доставил солдат в целости и сохранности.

* * *

По Славутскому шоссе то и дело пронеслись немецкие машины с оружием и продовольствием. Партизаны постоянно минировали дорогу, и немало фашистских грузовых и легковых автомобилей уже взлетело на воздух. Но по шоссе ездили и крестьянские подводы, и после одного несчастного случая минирование решили прекратить. Тогда Котик предложил товарищам устроить засаду.

Ребята притаились в придорожном кустарнике. Ждать пришлось долго – как назло, ни одной души. Вдруг вдалеке показалась легковушка, а за ней два грузовика с солдатами. Ребята из кустов наблюдали за дорогой. Машины всё ближе и ближе... Валя и его товарищи приготовили гранаты. Вот уже и лица можно различить. Внезапно Валя тихонько вскрикнул:

– Да это же Кёниг!

И действительно, в первой машине сидел Фриц Кёниг, начальник шепетовской жандармерии. Важная птица! Одно его имя наводило ужас. Фриц Кёниг прославился своей невероятной жестокостью. Теперь он спешил в село, где захватили партизан. Начальник шепетовской жандармерии предпочитал пытать арестованных лично.

Валя, встав в полный рост и размахнувшись изо всех сил, кинул в приближающуюся машину гранату. Раздался оглушительный взрыв, завизжали тормоза, машина Кёнига взлетела на воздух.

В Шепетовке после этого начались массовые облавы. Но подполье продолжало действовать. То на продовольственный склад кто-то напал: охрану обезоружили и все продукты унесли. То вдруг нефтебаза запылала, то лесосклад загорелся.



Полиция хватала всех подряд, пытаясь разыскать виновников дерзких нападений. Вскоре благодаря доносу предателя ей удалось напасть на след подпольной организации. Один из самых активных участников подполья, Горбатюк, был арестован и, не выдержав жестоких пыток, умер в камере.

Больше в Шепетовке оставаться было нельзя. Подпольщики вместе со своими жёнами и детьми ушли в партизанский отряд Антона Захаровича Одухи в белорусском Полесье. Ушёл вместе с ними и Валя Котик. Отсюда, с партизанского аэродрома, всех детей и женщин отправляли на Большую землю. Валя ехать отказался наотрез. Мальчика пригласил к себе сам Антон Одуха.

– Как зовут тебя?

– Валентин Котик!

– Сколько ж лет тебе, паренёк?

– Четырнадцать!

– Ой, врёшь... Тебе и тринадцати-то нет. Не детское это дело – воевать. Тебе учиться надо. Собирайся! Полетишь на Большую землю.

– Не поеду! А заставлять будете – в лес убегу!

– Ты смотри, какой боевой! А не страшно?

Валя упрямо сдвинул брови.

Помолчав, командир произнёс:

– Ну ладно, сынок. Хорошо...

И прижал мальчишку к груди.

* * *

Валя Котик был самым юным в партизанском отряде. Мальчик сражался с фашистами наравне со взрослыми: ходил в разведку, брал «языков», минировал и взрывал мосты, бесстрашно шёл навстречу опасности, рисковал своей жизнью, но считал это обычной боевой работой.

Как-то, возвращаясь из разведки, Валя заметил возле станции Цветоха телефонный кабель. Он торчал прямо из земли. Мальчик перерезал его и тщательно замаскировал. Потом выяснилось, что это был не просто кабель, а прямой провод, обеспечивающий связь местного немецкого командования со ставкой Гитлера в Варшаве. Не удалось фашистам поговорить!

Однажды небольшая группа партизан была направлена в одно из сёл. Ей предстояло расправиться с расположившимся там немецким гарнизоном. Дорога через лес оказалась тяжёлой, и уставшие партизаны решили устроить привал.

Чтобы дать отряду спокойно отдохнуть, Валя с командиром Иваном Музалёвым вышли в дозор. Казалось, в лесной чаще безопасно. Внезапно раздался выстрел. Иван Алексеевич, схватившись за грудь, упал. Валя прицелился в приближающегося фашиста, но ничего сделать не успел. Кто-то скрутил мальчику руки и грубо толкнул на землю. Это были каратели, следившие за партизанским отрядом. Приставив к мальчику часовых, они направились к тому месту, где партизаны расположились на отдых.



Связанный Валя сидел на земле и лихорадочно думал, как предупредить своих боевых товарищей о нависшей над ними опасности. Они были далеко и наверняка не слышали выстрелов. Что-то твёрдое вдавилось ему в руку. Это была граната! Каратели не успели обыскать

Валю, и граната так и осталась в кармане брюк. Извернувшись, он осторожно вытащил гранату и, вскочив, бросил её в часовых.

Взрыв партизаны услышали, и фашистам не удалось застать их врасплох.

Валя, израненный осколками гранаты, несколько километров полз по лесу. Здесь его подобрал лесник. Почти месяц мальчик пролежал в его сторожке и, едва дождавшись, когда заживут раны, вернулся в отряд.

* * *

11 февраля 1944 года.

В этот день Вале Котику исполнилось четырнадцать лет. И в этот же день Красная армия освободила его родной город Шепетовку. Командир партизанского отряда предложил Вале вернуться домой. Но парнишка вновь отказался, ведь теперь отряду предстояло помочь в освобождении соседнего города Изяслава:

– Не поеду! Возьмём Изяслав, тогда посмотрим.

На рассвете партизаны бесшумно подошли к городу. Все ждали начала атаки. Валя вместе со всеми лежал на снегу и мечтал: «Выгоним фашистов из города, поеду в Шепетовку – маму проведать. Поскорей бы. Соскучился очень...»

И вот атака!

Партизаны ворвались в город и начали преследовать отступающих фашистов. После короткого боя город был взят, но партизаны отлично понимали: фашисты так просто не сдадут Изяслав, слишком он важен для них.

Был захвачен склад боеприпасов, и Вале дали боевое задание охранять его.

Сражение за город возобновилось. С запада загудели танки: в атаку пошли немецкие «тигры». Они медленно теснили партизанские части. Всё вокруг было наполнено грохотом разрывающихся снарядов и свистом пуль. И тут на помощь партизанам подоспели войска Красной армии.

Бой шёл совсем рядом со складом. Валя стоял на посту и внимательно прислушивался к окружающему шуму. Внезапно он почувствовал тупой удар в живот. На белом маскировочном халате мальчика проступило алое пятно. Валя упал. Подбежавшие санитары подхватили его и бережно уложили на подводу.

– Подождите... Как же так?.. Я же к маме не успел, – прошептал он.

Глаза его закрылись.

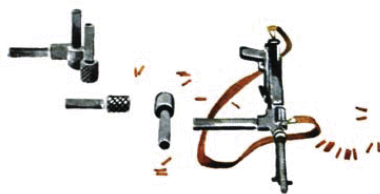
Валя умер в госпитале на следующий день, так и не побывав в родной Шепетовке.

Похоронили Валю в скверике перед школой, где он учился. На его могиле воздвигнут памятник.

За отвагу и находчивость, проявленные при выполнении заданий в тылу врага, Валя Котик был награждён медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 2-й степени.

За участие в боевых операциях юный партизан посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

27 июня 1958 года Валентину Александровичу Котику было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.



Зина Портнова (20.02.1926 – 10.01.1944)





Зина очень любила свой родной Ленинград. Ей нравилось учиться – школьные науки давались девочке на удивление легко. И с подружками Зина всегда была неразлейвода. Все с Зиной хотели дружить. Вечно она что-нибудь интересное придумает: то свою стенгазету затеет выпускать, то танцевальный кружок организует, а то соберёт малышей и устроит самый настоящий кукольный театр – спектакли им показывает. Нет, с Зиной не соскучишься.



Была Зина такой весёлой и немного непоседливой, наверное, в отца. Дома, на Балтийской улице, всегда шумно и многолюдно. Отец работал на Кировском заводе, и его товарищи часто

приходили к нему по вечерам. Говорили, шутили, рассказывали про заводские дела, песни пели. Вспоминали и Гражданскую войну. Хорошо, что сейчас нет никакой войны!

Наконец-то лето, июнь. Позади седьмой класс, и Зина чувствовала себя совсем взрослой. Пора с младшей сестрёнкой Галей в деревню собираться – бабулю проведать. В городе скучно стало. Все подружки разъехались кто куда – каникулы.

Бабушка, Ефросинья Ивановна Яблокова, жила в небольшой белорусской деревне Зуи, близ станции Оболь, и всегда была рада внукам. За лето подрастут девчонки, вытянутся, окрепнут, сил наберутся. В деревне и воздух другой, и молоко вкуснее, мёдом и травами душистыми пахнет, и от бабушкиных пирогов за уши не оттащишь! Целый день сестрёнки на речке пропадают, на солнце румянятся – загляденье прямо! Да и по хозяйству никогда не отказываются помочь. Всё бабушке старенькой помощь.

Вот здесь, в Зуях, и застала сестрёнок война.

Фашисты, расположившиеся в деревне, не останавливались ни перед чем, ничего не стеснялись. Они грабили и убивали, расстреливали пленных красноармейцев и просто мирных жителей. Убили гитлеровцы и дядю Зины, Василия Гавриловича Езовитова. Он был обходчиком железнодорожных путей, и однажды его нашли лежащим с проломленной головой на рельсах. Зина знала, что дядя держал связь с партизанами, которые недавно появились в белорусских лесах. Видимо, кто-то донёс на него фашистам.

Зина с болью в сердце вспоминала прежнюю, довоенную жизнь. Она казалась ей такой светлой, такой простой и понятной. А теперь... Теперь кругом кровь и смерть, горе и слёзы. Не давали девочке покоя мысли ещё и о том, что где-то там, в осаждённом Ленинграде, остались её родители.

Что же – вот так и смотреть на всё это? На то, как фашисты издеваются над невинными людьми? Ни за что! Не таким человеком была Зина.

Вскоре в области была создана подпольная организация «Юные мстители».

Зина очень хотела связаться с её руководителями. Но непросто это было. С трудом нашла она подпольщиков.

Сначала маленькая девочка с косичками вызвала у них недоверчивую улыбку: пигалица, а туда же – воевать! Но девчонка оказалась на редкость упрямой. Решительно топнув ногой и сверкнув глазами, она выкрикнула:



– Ненавижу фашистов! Не возьмёте к себе, сама с гадами бороться буду!

Вот так Зина стала подпольщицей. Первые поручения оказались совсем не сложными. Зина с Женей Езовитовым распространяли среди жителей антифашистские листовки и газеты. Они умудрялись приклеивать листовки на самых видных местах, а газеты давали прочитать верным и надёжным людям. Сколько раз видели они, как светлели у тех лица, сколько раз слышали они:

– Спасибо за правду, ребята!

* * *

Вскоре Зина получила новое задание. Надо было узнать количество солдат в немецком гарнизоне. Только как это сделать? И Зина придумала. Она вспомнила, что на площади в посёлке торфозавода два раза в неделю проводились строевые занятия. На них стогнали почти всех солдат гарнизона. Можно сосчитать!

Добытые сведения Зина через связного передала в партизанский отряд. Ох и не поздоровилось после этого фашистам!

Зина выросла, набиралась опыта. Теперь сообразительной и отважной девочке можно было поручать серьёзные и зачастую очень опасные дела. Зина всегда справлялась. Ни разу не подвела она своих товарищей.



И вот опять от девочки потребовалась её смекалка и ловкость.

В посёлке близ станции Оболь открылась офицерская столовая. Зину устроили сюда работать посудомойкой. От фашистских артиллеристов и танкистов, которые съезжались сюда из-под Орла, Смоленска и Ленинграда, на станции просто житья не было. Насилие, грабежи, разбой и убийства стали здесь обычным делом. Юные подпольщики решили сделать гитлеровцам хороший «подарок».

Девочка очень уставала на работе, просто с ног валилась и едва добиралась до кровати, чтобы хоть немного поспать. Целый день ей приходилось бегать с тяжёлыми подносами, носить в кухню воду, дрова, мыть грязную посуду. А в ответ слышать ругань и нередко терпеть побои. Ныла и болела спина, распухли и потрескались от холодной воды руки, гудели натруженные ноги. Но Зина терпела. А как же иначе? Ей во что бы то ни стало надо выполнить поручение подпольщиков: добраться до котлов и подсыпать фашистам в пищу «угощение». Однако шеф-повар и его помощник-ефрейтор зорко приглядывали за девочкой и на пушечный выстрел не подпускали её к котлам. Между тем гитлеровцы распоясались совершенно. Медлить дальше было нельзя.

В тот день, как обычно, с самого утра потянулись в столовую немецкие офицеры. Но до завтрака Зине сделать ничего не удалось.

Начался обед. Самый верный способ добраться до котлов – отвлечь шеф-повара, а уж с его помощником она как-нибудь справится. Спасибо официанткам, тёте Ире и двоюродной сестре, комсомолке Нине Давыдовой, – помогли, вызвали главного в зал. Зина быстро прощмыгнула на кухню. Улучив момент, она бросила в котёл с пищей, приготовленной для офицеров, партизанское «угощение». Приятного аппетита, господа офицеры!

На следующий день на военном кладбище похоронили больше ста фашистов, обедавших в столовой.

Разъярённые фашисты схватили Зину и заставили её попробовать пищу из котла.

– А ну ешь! Пробуй!

Зина зачерпнула ложкой суп из котла и хлебнула. Что за чудо спасло её? Почувствовав тошноту и слабость, девочка ничем не выдала себя. Она спокойно положила ложку на стол и посмотрела прямо в глаза шеф-повару. Тот молча указал ей на дверь.

Зина еле добралась до деревни. Зайдя в избу, девочка тут же без сил упала на лавку.

– Зиночка, что с тобой? – сквозь туман услышала она бабушкин голос.

– Дай попить, бабуля... Тошнит что-то, холодно мне.

Ефросинья Ивановна протянула внучке кувшин:

– Попей, милая. Сыворотка это, от молока вчерашнего осталась. Полегчает. – И заботливо накрыла Зину стареньким тулупом.

Чтобы уберечь девочку от возможного ареста, подпольщики отправили Зину и её сестрёнку Галю к партизанам в лес.

* * *

Добирались девочки в отряд целую ночь. Болели босые испарянные ноги. Измученная маленькая Галя тихонько плакала. Зина остановилась и перевязала сестрёнке ноги. Сама девочка не жаловалась, молча терпела усталость. Только к утру пришли они в партизанский лагерь.

В отряде Зина стала разведчицей, а Галя – помощницей санитарки. Зина добывала сведения для партизан, участвовала в выполнении различных заданий. Она научилась отлично стрелять из трофейного оружия, по-прежнему была бесстрашной и ловкой. Трудности партизанской жизни нисколько не пугали её.

Несколько раз Зину отправляли для связи в Оболь. Там продолжали активно действовать юные подпольщики. У фашистов то водокачка взорвётся, то склады с продовольствием запольхают, то эшелон со снарядами под откос полетит.

Гитлеровцы были твёрдо уверены, что взрывы на железных дорогах, листовки и поджоги – дело рук партизан. Отряды карателей старательно прочесывали Шашанский лес, но каждый раз партизан кто-то вовремя предупреждал, и фашистам никого не удалось поймать. Им даже в голову не могло прийти, что во всём этом замешаны дети, вчерашние школьники.

Два года ребята отчаянно и бесстрашно боролись с оккупантами.

* * *

В подпольной организации появился провокатор – бывший ученик обольской школы, дезертир. Он выдал немцам двенадцать участников «Юных мстителей». Ребята были схвачены и посажены в гестапо.

После их ареста Зине Портновой поручили установить связь с теми подпольщиками, кто остался на свободе. Девочка отлично выполнила задание, но, возвращаясь в отряд, возле деревни Мостище она натолкнулась на засаду. Её арестовали и привели к начальнику обольской полиции.

Зину начали допрашивать:

– Кто такая?

– Маша я... Петрова.

– Партизанка?

– Дяденьки, да вы что! На заводе кирпичном я работаю, про партизан ничего знать не знаю. – Девочка всё отрицала.

Ничего не добившись от Зины, полицейские привели того самого предателя, который выдал обольских подпольщиков. Он тут же узнал девочку, и Зину начали пытаться, стараясь выяснить, кто её товарищи по подполью.

Зина молчала. И тогда к допросу приступил сам начальник гестапо, капитан Краузе. Увидев Зину, он оторопел: «Совсем ребёнок! В куклы ещё играть!»

Офицер попытался обмануть и задобрить девочку:

– Хочешь молока? Хлеба? Шоколада?

Ничего не помогало. Зина продолжала упорствовать.

Краузе приказал увести Зину. Но не в камеру, а в просторную светлую комнату, которая находилась здесь же, в гестапо. Девочке принесли обед и конфеты. Она даже не прикоснулась к еде.



На следующее утро Зину опять повели на допрос. Краузе по-прежнему был приветлив и вежлив:

– Как тебе спалось, девочка? Ты ведь поможешь нам? Скажешь, кто твой руководитель? А мы за это отвезём тебя в Ленинград. Мы знаем, что там твои папа и мама. О! Теперь Ленинград наш город!

Зина подняла голову и посмотрела на Краузе. Такая ненависть полыхала в глазах этой маленькой девчонки, что капитану стало не по себе. Проклятая партизанка! Ну, погоди же...

Фашист быстро перешёл от уговоров к угрозам и вынул из кобуры пистолет. Повертев им перед носом Зины, он положил его на стол:

– Видишь? Одной маленькой пули будет достаточно, чтобы оборвать твою маленькую жизнь. Разве тебе не страшно? А ну говори! Или я тебя пристрелю!

Гестаповец уже не говорил – он орал. Лицо его побелело от ярости, ноздри раздувались.

Внезапно Зина шагнула вперёд и схватила пистолет со стола. От неожиданности капитан растерялся. Зина прицелилась и выстрелила. Краузе был убит наповал. Прибежавший на выстрел офицер был сражён пулей на пороге комнаты.



Через боковую дверь Зина выскочила во двор. Ей удалось добежать до берега реки, за которой был спасительный лес. Только бы добежать! Только бы добежать... Но за девочкой уже гнались фашисты.

На бегу Зина продолжала стрелять. Метким выстрелом она уложила одного из немецких солдат. Но патроны в обойме закончились. Зину схватили.

Больше месяца девочку продержали в тюрьме. Но даже под пытками она не проронила ни слова.

Зину Портнову расстреляли холодным январским утром 1944 года.

За боевые подвиги, за мужество и бесстрашие, за преданность Родине, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Зинаиде Мартыновне Портновой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Её имя носит одна из улиц её родного города.

**Витя Коробков
(04.03.1929 – 09.03.1944)**





Хороший город Феодосия! Солнечный, светлый. Накатываются на берег ласковые тёплые волны и вновь неторопливо убегают. Если прислушаться, они что-то шепчут, бормочут, что-то тихонько говорят. Прищуришься – засверкают в них разноцветные солнечные зайчики. И небо – синее-пресинее. Где кончается море и начинается небо – разве поймёшь? Конечно, волны могут быть совсем другими – сердитыми. Море тогда и правда становится Чёрным. Но Витя Коробков любил море в любую погоду.

В Феодосии, городе на Крымском полуострове, на берегу Чёрного моря, родился и вырос мальчик Витя. Вернее, подрост. Двенадцать лет – вся жизнь впереди!

Целые дни пропадал он с мальчишками на море: они купались, ныряли со скал, загорали. Ещё лазили по горам, где находили много чего интересного. Здесь в Гражданскую войну все дороги были исхожены партизанами. И однажды ребята даже отыскали самую настоящую партизанскую землянку.

Но больше всего нравилось Вите рисовать. Никогда не расставался он с альбомом и карандашами, и оживали на его страницах корабли, причудливые города и страны, вырастали диковинные растения. И море. Море было таким разным, непостоянным, живым. Как же непросто было его нарисовать! Почему же у Айвазовского получалось, а у него не очень? Витя бродил по галерее и всматривался в картины знаменитого земляка: «Вот бы мне так...»

Свои рисунки Витя часто показывал знакомому художнику:

– Молодец! – хвалил его Николай Степанович. – Трудись, рисуй больше – тогда и толк из тебя выйдет.

Лето 1941 года Витя Коробков проводил в «Артеке». В этот лагерь его направляли уже не в первый раз – за отличную учёбу. Вите нравилось в «Артеке». Пионерская жизнь была весёлой и очень интересной. Игры, занятия, катание на катерах и шлюпках, походы на Аю-Даг – Медведь-гору, вечером – песни у костра, рассказы пионервожатой о партизанах.

Здесь и застала его война.

В небе над «Артеком» появились фашистские бомбардировщики. Детей из лагеря спешно начали отправлять по домам. Собрался уезжать и Витя. Он очень торопился: дома болеет отец, да и мама, наверное, места себе не находит, беспокоится. «Скорей бы уже увидеть их!»





С автобусной остановки Витя летел быстрее ветра. Вот и родной дом, а вот в окне второго этажа мелькнул знакомый силуэт. Но тут он услышал мерзкий вой летящей бомбы. Свист, грохот – и стена с окном рассыпалась на его глазах.

– Мама!

Отец был во дворе. Они вместе бросились к разрушенному дому.

Маму удалось откопать. Викторю Карповну ранило осколком снаряда, и её увезли в больницу.

* * *

Любимого города не узнать. Дома зияют разбитыми окнами, на окраине города – руины. Вместо санаториев – больницы и госпитали, на улицах много раненых красноармейцев.

Уехать из города не удалось: мама всё ещё болела после ранения. А в начале сентября в Феодосию вошли немцы. Начались аресты, на площадях и на набережной появились виселицы. Совсем рядом с городом был создан лагерь смерти. Фашисты хватили людей при малейшем подозрении.

Заболел отец. Целые дни лежал он на кровати: подняться не было сил.



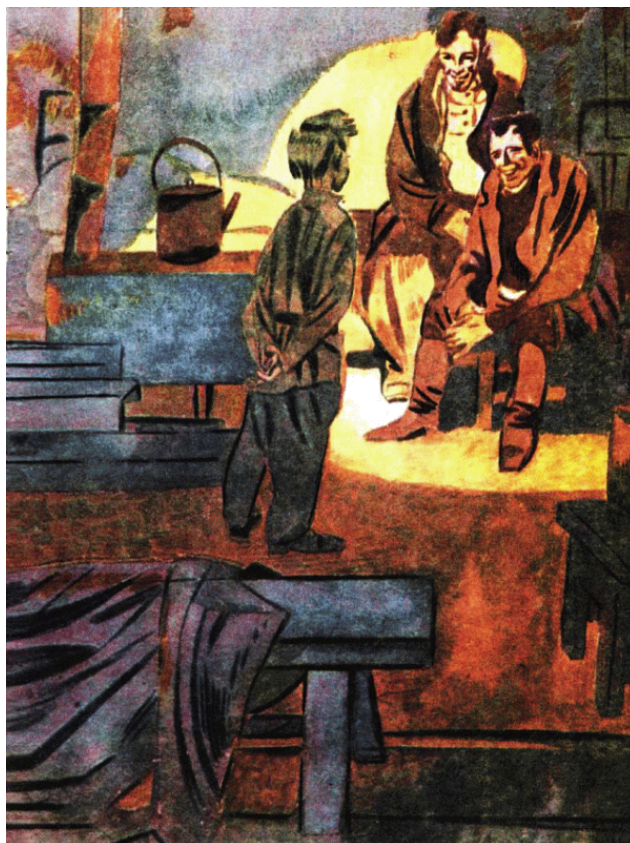
Вите пришлось несладко. Все заботы по дому легли на его плечи. Приходилось и печь топить, и похлёбку варить. А ведь дрова и хоть какие-нибудь продукты ещё надо было достать.

Справившись с немудрёным хозяйством, Витя отправлялся бродить по городу. Страшно стало в Феодосии. К морю не подойти: все берега огорожены колючей проволокой. Витя сжимал в карманах кулаки: «Эх! Жаль, что я ещё маленький! Показал бы я вам! Ушёл бы на фронт».

Однажды Витя зашёл в дом к своему двоюродному брату Саше. У них квартировали немецкие офицеры. Заметив забытый на столе пистолет, Витя быстро сунул его в карман. Теперь у него было настоящее оружие. Но что с ним делать, Витя толком не знал, поэтому зарыл пистолет в ближайшем лесу.

Раздобыл Витя и патроны. Как-то проходил он мимо немецкого грузовика. Шофёр приказал пареньку разгрузить его. Витя принялся таскать тяжёлые ящики. Патроны! Недолго думая, Витя тайком набил ими свои карманы. Что ж, вот теперь можно и к партизанам.

Скоро отец Вити устроился в типографию, недавно открытую в городе. В дом к Коробковым зачастили гости – печатники. Витя догадался, что это не простые рабочие, но вслух своих догадок не высказывал: отец не любил, когда болтали лишнее.



Наступил февраль. Вечера были сумрачными, промозглыми. В один из таких вечеров Витю позвал отец. Рядом с отцом сидели «печатники».

– Ты, Витя, зря по городу не расхаживай. Повнимательней будь, запоминай, где и сколько солдат немецких, где батареи расположены, точки огневые. Ясно, сынок? – Глаза отца смотрели серьёзно и строго.

Витя кивнул:

– Да я и так знаю. Штаб в соседнем переулке. Фашистов там очень много.

– Хорошо, сынок. Да только нам точные сведения нужны. Очень точные. Понимаешь?

Витя опять кивнул. Так он получил своё первое настоящее задание.

С тех пор Витя Коробков стал активно помогать подпольщикам. Целыми днями бродил он по городу, незаметно разузнавая расположение немецких воинских частей, замечая, какие орудия разгружают в порту, сколько на кораблях танков и зенитных установок. Никто и внимания не обращал на мальчишку. Бегает, дурачится... Ну и пусть бегает.

Шустрый сынок оказался у Михаила Коробкова, толковый – весь в отца. Вскоре Вите доверили разносить и расклеивать листовки, газеты, напечатанные в отцовской типографии. Но ему всё-таки больше всего на свете хотелось попасть в партизанский отряд.

– Нет, парень, ты нам в городе нужней, – не раз говорил мальчику командир отряда в ответ на горячие просьбы Вити взять его к себе.

* * *

Неожиданно пришла беда.

В подпольной организации появился провокатор. В городе начались облавы, обыски, и многие подпольщики оказались в застенках гестапо. Но Витя продолжал помогать партизанам.



Приближалась зима, и вместе с другими ребятами он стал собирать для партизан тёплые вещи. Продолжал мальчик и расклеивать листовки.

За отцом Вити тоже начали следить. Однажды его даже вызвали на допрос в полицию и потребовали, чтобы он сказал, кто печатает листовки.

В тот раз всё обошлось, но оставаться в городе стало опасно, и Коробковы решили уходить: Виктория Карповна – в деревню, а Витя с отцом – к партизанам.

Через два дня Коробков Михаил Иванович и Коробков Виктор были зачислены разведчиками штаба третьей бригады Восточного соединения партизан Крыма.

Бегает мальчишка по деревне Бараколь. Носится мимо часовых, в солдатскую кухню заглядывает:

– Дяденьки! Покормите!

Гонят немцы неугомонного мальчишку. А тот не унимается – хоть бы что ему. Все улицы вдоль и поперёк проскакал – песни кричит, руками размахивает, нос свой любопытный повсюду суёт. Дашь ему подзатыльник, а он только хохочет. Ненормальный, что ли?

На следующий день фашисты в Бараколе были уничтожены, со всеми их танками и орудиями. А про смешного мальчишку никто и не вспомнил.



В отряде Вите очень пригодилось его умение рисовать. Он не просто запоминал расположение фашистских патрулей и постов, а мог легко набросать план-схему любого селения и точно отметить, где находится штаб или стоят часовые.



На очередную разведку в деревню Эйсерес Витя отправился вместе с больным отцом. Когда задание было уже практически выполнено и нужно было быстро уходить, Витя заметил, что отцу стало совсем плохо и он едва идёт. Нужно было срочно придумать, чем отвлечь внимание немецких солдат. Выхватив из сумки губную гармошку, Витя, отчаянно фальшивя, заиграл немецкую песенку. Гитлеровцы сразу заметили его, окружили, стали подпевать. Чтобы выиграть время и дать отцу спокойно уйти из деревни, он переиграл всё, что знал. Заметив, что отец скрылся вдалеке за поворотом и теперь находится в безопасности, мальчик резко оборвал мелодию и, сделав вид, что ему надоело играть, пошёл прочь.

Вскоре почти все фашисты в Эйсересе были уничтожены.

* * *

Части Красной армии были уже на подходе к Крыму. Партизаны готовились к штурму города и собирались менять стоянку. Отец Вити совсем разболелся, и мальчик получил строгий приказ вместе с отцом вернуться в город. Через два дня их схватили гестаповцы: Коробковых выдал предатель.

Витю бросили в камеру.

Ещё вчера здесь находилось несколько человек. Всех увели. Витя остался один. «Как там отец? Жив ли?» – постоянно думал он. Накануне на допросе Витю безжалостно били и пытали, но мальчик на все вопросы упрямо отвечал:

– Не знаю... Не видел... Не скажу...

Фашисты пытались обмануть мальчика:

– Твой отец всё нам рассказал, и мы его отпустили. Теперь он на свободе. Говори!

– Не верю. Врёте...

Как только ни пытались гестаповцы заставить Витю заговорить! Следователь беседовал с ним ласково, обещал выпустить, если тот скажет ему, к кому в городе он ходил. Но Витя молчал. И его снова начали бить.

Скоро Витю перевели в другую камеру. Теперь вместе с ним сидел ещё один мальчик – Валя Ковтун. Какая судьба ждала парнишку – неизвестно. Вале было страшно.

Измученный, избитый Витя прислонился к холодной сырой стене: тогда не так болят рубцы на теле, и хоть ненадолго становится легче. Витя закрыл глаза. В воображении заплескались морские волны – тёплые, ласковые. А где-то там, высоко в синем небе, – белые чайки. Машут ему крылом, кричат, будто зовут куда-то.

– Знаешь, Валька... Ты только ничего не бойся. Война скоро закончится. Очень скоро! И я напишу картину – большую, красивую. Как Айвазовский. Я теперь понял, как надо рисовать. И будут на ней море, солнце и горы, а ещё небо – синее-пресинее.



Через день в шесть часов вечера в камеру вошёл немецкий офицер. У дверей встали гестаповцы с автоматами.

– Виктор Коробков...

Накануне в камеру поместили новых арестованных, и все они с болью посмотрели на мальчика – знали, что на допрос в такое время не водят. Витя пожал руку Вале:

– Прощай, Валька! И помни: ничего не надо бояться!

Он знал, что в камеру больше не вернётся.

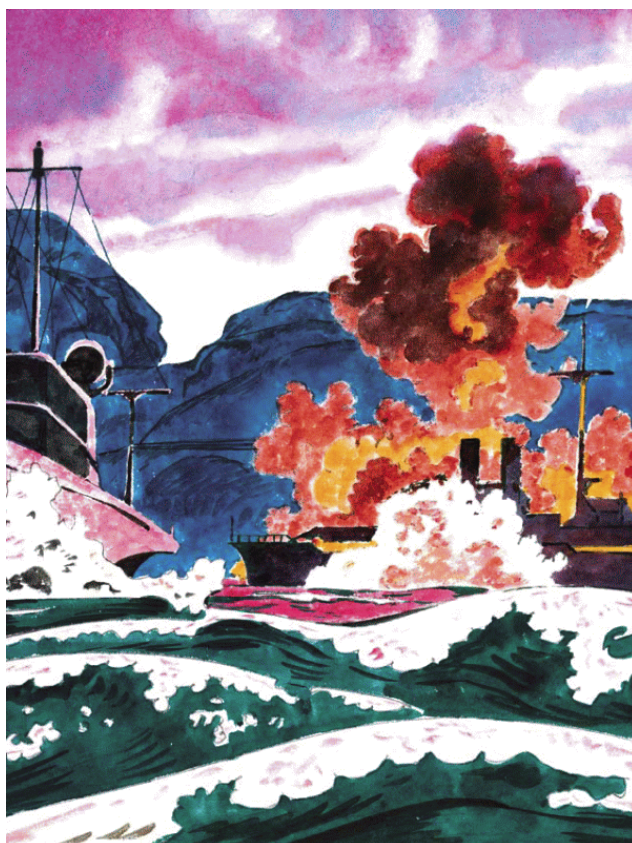
Виктор Михайлович Коробков, юный разведчик партизанского отряда, был расстрелян 9 марта 1944 года. Спустя пять дней после своего пятнадцатилетия.

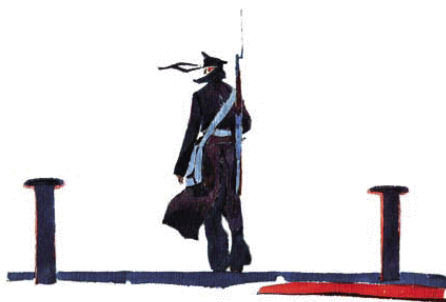
Посмертно награждён медалью «За отвагу».

Вите Коробкову поставлен памятник в его родной Феодосии.



**Саша Ковалёв
(04.01.1927 – 09.05.1944)**





Когда тебе десять лет и живёшь ты не где-нибудь, а в столице нашей Родины – Москве, жизнь кажется безоблачной и радостной, полной открытий и чудесных неожиданностей. В школе тебя встречают друзья-товарищи – верные, преданные и готовые, как и ты, к любым приключениям и подвигам. А дома ждут родители, и ты понимаешь: для них никого нет на свете дороже тебя. И тогда твоё маленькое сердце от счастья бьётся быстро-быстро, часто-часто. И хочется жить – долго-долго.

Но иногда случается, что тебе ещё только десять, а свет словно померк, и кажется, что хорошая, такая весёлая и беззаботная жизнь осталась позади...

Родителей Саши арестовали, когда ему исполнилось десять лет. Как же так? Почему? На эти вопросы у маленького Саши не было ответа. Знал он только одно: «Я сирота».

Тётка Саши, Раиса Яковлевна, мальчика в детский дом не отдала, взяла в свою семью и стала заботиться о нём как о собственном сыне.

Муж тёти, Николай Петрович Ковалёв, был моряком – капитаном второго ранга, механиком Беломорской военной флотилии. Саша не раз с восхищением слушал рассказы дяди Коли о морских походах, о том, что быть моряком, конечно, нелегко, но зато так здорово! Навсегда запомнил он слова Николая Петровича:

– Сашка, настоящие моряки никогда не сдаются!

Паренёк гордился дядей и втайне вздыхал: «Вот бы и мне стать моряком... Военным моряком!»

* * *

Началась война. Николай Петрович вместе со штабом флотилии был переведён в Архангельск. Саша с тёткой оставались в Москве. Непокойно стало в столице. В парках и скверах – зенитные батареи, на улицах растянулись длинные очереди за хлебом. Холодно, тревожно.



Вскоре они перебрались к Николаю Степановичу в Архангельск. Там, на Соловецких островах, осенью 1942 года была создана школа юнг Северного флота – единственная в мире. Саша поступил в неё – в группу подготовки мотористов. Наконец-то сбылась его мечта! Скоро он станет настоящим моряком. Военным!

Но для этого надо постараться – научиться отлично разбираться в двигателях, чтобы в ответственный момент не подвести своих товарищей. Мало ли что на флоте случается. А тут ещё и война... Малейшая ошибка может стоить жизни.

И Саша старался, учился только на «отлично». Через год, окончив школу юнг, он получил направление на эсминец «Громкий».

Корабль выполнял нелёгкие боевые операции – сопровождал транспорты с военными грузами в Архангельск и Мурманск. Нередко в небе пролетали вражеские самолёты, совсем рядом с «Громким» рвались снаряды, вздымались высокие валы, захлёстывая палубу.

Но Саша ничего не боялся и очень скоро почувствовал себя «бывалым моряком». Да и характер у паренька был замечательный – открытый, доброжелательный, надёжный. Никогда товарищам в помощи не откажет, всегда выручит. Уважали Сашу моряки, хоть и был он совсем ещё мальчишкой. Не раз говорили они про него: «С нашим Сашкой не пропадёшь!»

И не ошиблись.

* * *

Отважного юнгу назначили учеником моториста в бригаду торпедных катеров. Но настоящее боевое крещение Саша получил только в апреле 1944 года.

Хоть ТК-209 и небольшой катер, но по скорости ему равных не сыскать. И вооружение солидное: торпедные аппараты, крупнокалиберные пулемёты. А на корме – стеллажи для глубинных бомб.

В ту ночь на базу торпедных катеров поступило сообщение: неподалёку от берега обнаружены вражеские суда. Приказ: срочно уничтожить противника!

Четыре фашистских транспорта с боеприпасами маневрировали в сопровождении дозорных кораблей. Катер на всей скорости летел вперёд.

Внезапно с вражеских судов ударила артиллерия. Огонь открыли и немецкие береговые батареи. Под градом снарядов катер не сбавлял ход. Залп! Ещё... И ещё! Осколком снаряда тяжело ранило сигнальщика.

– Юнга! Принять вахту!



– Есть, товарищ капитан!

Оставив моторный отсек, Саша встал на капитанский мостик. Отсюда он наблюдал, куда падают вражеские снаряды, и чётко докладывал обо всём капитану.

Столпы огня и дыма – это наши торпеды попадают прямо в цель. И ни одного прямого попадания в катер! ТК-209 был спасён.

– Спасибо тебе, юнга! Отлично с заданием справился.

За этот бой Саша был награждён орденом Красной Звезды.

* * *

И вновь боевая операция.

В море – караван вражеских кораблей. Их обнаружили наши самолёты-разведчики. Торпедные катера вышли навстречу фашистским судам. Впереди, прокладывая дорогу, летит катер, на котором служит Саша. На огромной скорости маленькое проворное судно ворвалось прямо в самую середину каравана. Такой дерзости немцы никак не ожидали. Началась беспорядочная стрельба. А вот прямо по курсу – большой фашистский корабль. Да это же эсминец!

Саша, выполняя приказ командира, ещё больше увеличивал ход катера.



– Огонь!

Столб воды и дыма взметнулся, казалось, до самого неба, на минуту закрыв собой солнце.

– Подорвали фашиста!

На скорости катер выходит из атаки. Всё позади. Все живы, все здоровы...

Новый день – новый поход. Под самым носом у фашистов, у причала, бесстрашными моряками были потоплены два немецких судна, и наши разведчики сумели прорваться в тыл врага. За участие в этой смелой операции, за умение действовать быстро, чётко и решительно Саша Ковалёв был награждён медалью Ушакова.

* * *

Начало мая. Светлая холодная северная ночь. Торпедные катера вновь отправляются на поиски вражеских судов. Вот и они – немецкие сторожевые! Ну держитесь!

Два небольших катера атакуют сразу несколько фашистских кораблей.

Залп! Торпеды достигают своей цели: через несколько минут один из кораблей скрывается под водой.

И вот новая атака. ТК-209 содрогается от сильных толчков, пули с визгом и скрежетом отскакивают от его бортов. Разозлённые фашисты бешено обстреливают катер с берега из пулемётов и пушек. В небе появляются вражеские бомбардировщики.

Саша понимал, что с каждым мгновением бой становится всё тяжелее, но страха по-прежнему не было. Наоборот – какая-то отчаянная ярость охватила его, какая-то весёлая злость: «Получайте, получайте, получайте, фашисты! Ну что, нравятся вам наши торпеды?!»

– Юнга! Всё в порядке? – В моторный отсек заглянул капитан.

– Всё в порядке, товарищ капитан!

– Держись, сынок! Жарко становится. А будет ещё жарче! Эх, старшину нашего ранило. ТК-217 подожгли. Экипаж мы взяли на свой борт. Не подведи, юнга. Ты здесь теперь один. Справишься?

– Прорвёмся!

Капитан убежал на мостик. В тот же момент страшный взрыв сотряс катер. Саша упал и на какое-то мгновение потерял сознание. Очнувшись, он вскочил на ноги и огляделся. Правый мотор бездействует, левый повреждён, а из среднего хлещут струи кипятка и раскалённого масла. Ещё чуть-чуть – и катер взлетит на воздух! Схватив стёганный ватник, Саша быстро натянул его на себя. Нельзя терять ни минуты! Не раздумывая, Саша грудью навалился на пробоину. Кипяток насквозь прожигал толстый ватник, горячие струи масла хлестали безостановочно, но Саша прижимался к мотору всё сильнее и сильнее. «Только бы не потерять сознание. Тогда всё пропало! Настоящие моряки никогда не сдаются!»

Мотор работал. Катер не потерял хода и продолжил бой с врагом.



На помощь пришли товарищи. Сашу вынесли на палубу:

– Живой, юнга! Живой!

Разлепив обожженные губы, Саша прошептал:

– А корабль?.. Корабль?..

– Корабль жив! И ты, Сашка, жить будешь!

Случилось это 8 мая 1944 года. За год и один день до Победы.

* * *

9 мая 1944-го. Тогда ещё никто не знал, что совсем скоро, ровно через год, этот день станет великим – днём радости и счастья, днем скорби и вечной памяти.

Не знал этого и Саша Ковалёв. В тот день ТК-209 направлялся на ремонт. Неожиданно прогремел взрыв. Это взорвалась мина, накануне сброшенная авиацией противника. Находившийся в моторном отсеке юнга Саша Ковалёв погиб.

За неполных четыре месяца Саша Ковалёв (настоящее имя и фамилия Александр Филиппович Рабинович) успел принять участие в 20 боевых операциях.

Юный герой посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

В честь отважного юнга сложены стихи и написаны песни.

Именем Саши Ковалёва названы десятки улиц в разных городах.

Далеко на севере, в посёлке Гранитном, отважному моряку поставлен памятник.

Нина Куковерова (1927 – конец декабря 1943)





Нина родилась в большом и прекрасном городе Ленинграде. Ей всегда казалось, что лучше города не найти на всём белом свете. Нева – такая широкая и глубокая, искрящаяся и переливающаяся в лучах солнечного света. Мосты над Невой, высокие дворцы и просторные набережные, маленькие дворики с резными решётками... И Петропавловская крепость, и Летний сад, где так здорово бродить и представлять, что когда-то, давным-давно, здесь так же гулял и сочинял стихи Пушкин. Как же всё это нравилось Нине!

Но, может быть, даже больше мостов и дворцов любила она свой дом на улице Воскова, где жила вместе с мамой, отцом и младшими братишками. И школу номер 74 на Петроградской стороне.

На лето мама, Александра Степановна, всегда вывозила детей в деревню с удивительным названием Нечеперьть, что в десяти километрах от станции Нурма в Ленинградской области. Здесь они снимали небольшой домик. После шумного и огромного Ленинграда Нечеперьть казалась Нине маленькой и тихой. Зато жизнь у ребят была раздольная и весёлая. Малышня, Валечка с Олежкой, целые дни возилась во дворе, а Нина – как вольный ветер – была предоставлена сама себе. Хочешь – броди босиком по мягкой шёлковой траве, вдыхая густой медвяный воздух. Хочешь – купайся в быстрой прохладной речке. Или грейся на солнышке, подставив нос тёплым и ласковым лучам. Вечером в небе над деревней рассыпались звёзды – такие большие и крупные, что казалось: достать до них очень легко – надо только привстать на цыпочки и протянуть руку. Усевшись на крылечке и накинув на плечи мамину кофту, Нина любила помечтать. Да и кто же не мечтает в тринадцать лет!

* * *

Летом 1941-го Куковеровы тоже выехали на дачу. И тут война!

Мужчины из семьи Куковеровых в первые же дни войны отправились на фронт. Александра Степановна одна с тремя детьми сначала не решилась перебраться в город. А потом уже было поздно. Железнодорожную ветку и проселочные дороги, по которым отступали войска Красной армии, бомбили. Полотно железной дороги было разбито, и поезда от ближайшей станции не ходили.

Раннее августовское утро. Спящую деревню разбудил треск мотоциклов – в Нечеперьть ворвались фашисты. С самого начала оккупации Нина начала помогать красноармейцам, попавшим в окружение и бродившим в соседних лесах.

Однажды поздним вечером в избу, где они жили, постучали.

– Кто там? – с тревогой спросила Александра Степановна. – Что так поздно? Дети спят уже!

– Открывай, мать! Свои.

– Мама, да открой же! – подлетела к двери Нина.

Открыв дверь, женщина впустила в избу широкоплечего парня. Улыбнувшись, он пожал руку Александре Степановне и приветливо кивнул Нине:

– Ну, здравствуй... Дело к тебе.

– Нина, кто это? – Мать девочки продолжала с опаской смотреть на парня.

– Мам, ну тебе же сказали: свои! Понимаешь: сво-и, – с расстановкой произнесла Нина. – Нам поговорить надо.

Александра Степановна, повернувшись, молча ушла в соседнюю комнату.

В тот вечер Нина получила своё первое задание – предупреждать партизан о появлении в деревне немцев. Она даже знак условный придумала. Стоят в деревне гитлеровцы – Нина вывешивает во дворе старую скатёрку. Ушли фашисты – снимает.

Александра Степановна от страха за дочку места себе не находила:

– Ты что, помогаешь партизанам?

– Помогаю!

– Это же опасно! А если тебя схватят и... и убьют?!

– Ну и пусть! Я этих фашистов ненавижу!

Ничто не могло испугать отважную девочку – даже весть о том, что в соседнем селе Шапки гитлеровцы казнили партизан. Нашёлся предатель – выдал их гестаповцам.

Семья Куковеровых сразу же вызвала у немцев подозрение – неместные, да ещё и ленинградцы. Нет, этих надо куда-нибудь подальше отправить. Так Нина с мамой и братишками оказались под Гатчиной – в лагере для «сомнительных» лиц. Но и там они надолго не задержались. Немцы погнали их ещё дальше от Ленинграда – под Великие Луки, на станцию Идрица.

* * *

Партизанский отряд Батова, входивший в Калининскую бригаду, уже давно действовал в тех краях. Но выйти на них Нине никак не удавалось. Но не зря упорству и отчаянности девочки завидовали все мальчишки в школе. Нина смогла связаться с партизанами и решила уйти в отряд. «Но как же мама? А братья? Как же они без меня?» – думала Нина. Сердце её сжималось от жалости, но раз уж решила так решила! Обратного пути нет. Да ничего! Главное – не раскисать. Скоро прогоним мы фашистов с нашей земли и заживём по-прежнему. Даже лучше! В сто раз.

В отряд она ушла тайком, на рассвете: «Прощай, мамочка! Нет... До свидания! Я скоро вернусь».

Худенькая девчонка в стареньком пальтишке, на голове рваный платок, за плечами холщовая сумка с корками хлеба, а на ногах драные валенки – разве что пятки сквозь дырки не сверкают. Сколько таких девчонок бродит по дорогам! И все голодные, замёрзшие, ни дома у них, ни родных. Вот и Нина ничем не отличалась от бродяжек, выпрашивающих по деревням куски чёрствого хлеба. Никому и в голову не приходило заглянуть в сумку с объедками. А там...

Нина разносила по деревням сводки Советского информбюро, газеты с Большой земли и, самое главное, добывала и передавала партизанам разведданные. Её ждали в разных местах, ей радовались. За день девочке приходилось проходить до тридцати километров.

Измученная, озябшая, приходила она в отряд, тут же падала на лавку в землянке и закрывала глаза. В усталом сознании плыли избы, деревья, разбитая грязная дорога и немецкие солдаты – наглые, хохочущие... Чего же больше хочется – есть или спать? Спать... Завтра опять в путь, надо набираться сил.

* * *

Кто-то тряс Нину за плечо:

– Нин, а Нин... Вставай! Тебя Батов вызывает.

Девочка вскочила с лавки. Эх, такой сон снился! Мама, Валя и Олежка. Солнце светит, жара. И тишина. Не трещат пулемёты, не рвутся снаряды, не воют в синем небе самолёты. На самом интересном месте разбудили.



Командир партизанского отряда Батов был чем-то похож на её отца – это Нина сразу заметила. Высокий, худой, глаза усталые. Нина наизусть помнила последнее письмо отца: «Ниночка, пока я стою около пушки и бью фашистов, ты помогай мамочке!» Нина ответила: «Хочу помогать тебе бить фашистских гадов».

Убили папу...

– Ты меня слышишь, дочка? Устала?

Нина вздрогнула. Задумавшись, она и не заметила, как Батов пытается что-то ей втолковать.

– Нет-нет! Я слушаю.

Командир положил свою широкую ладонь на её худенькое плечо:



– Понимаешь, тут вот какое дело. В деревне Горы расположился немецкий карательный отряд. Его прислали, чтобы разгромить партизан. К отряду не подобраться. А надо! Очень надо. И нужно точно узнать, сколько у них пулемётов, сколько орудий и солдат, где стоят фашисты, в каких избах устроились. И главное – где у них штаб расположен. Карателей необходимо уничтожить!

На следующее утро Нина вновь собралась в дорогу. Задание, которое ей предстояло выполнить, было не из лёгких. Не попасться бы. Если попадётся – люди погибнут, товарищи боевые.

Дорога в деревню Горы шла то лесом, то вдоль речки, то по полю, то в горку, то под горку. Холодно-то как! Снегу по колено намело, тоненькое пальтишко насквозь продувает, стынут руки без рукавиц.

Наконец впереди на холме показались избы. Вот теперь надо быть осторожнее. «Пожалуй, понаблюдаю пока», – решила Нина и спряталась в густом кустарнике.

Всё видно Нине. Вон дом на холме. У дверей – часовые, автомашина и мотоциклы. Офицеры то входят в дом, то выходят из него, что-то приказывают солдатам.

«Ага... Понятно: это штаб. А вон в тех домах что? Нет, надо в деревню направляться. Если что – скажу: к тётке иду».

Девочка выбралась из кустов и побрела к деревне.

Пока шла, всё вокруг примечала, всё запоминала. Так... Миномёт. Сарай какой-то... Непонятно, что это они там сгружают?

Нина постучала в ближайшую избу. Дверь ей открыла сердитая тётка:

– Чего тебе?

– Тётенька, хлебушка дай! С голоду умираю.

– Самим есть нечего.

– Хоть погреться пусти – совсем замёрзла!

– Ладно, проходи. Как звать-то?



– Марусей...

Тётка пустила девочку в избу и велела сидеть у печи. А Нине только того и надо. Тётка – на улицу, а девочка – к окну. Вот это наблюдательный пункт!

Из окна Нина увидела, как солдаты разгружают машины. Орудия! Ого, сколько их! Раз, два, три... Ничего не пропустила Нина, всё сосчитала. Разглядела она и склад с горючим – в бывшем гараже, рядом с сараем-арсеналом.

«Пора уходить», – подумала девочка и, поблагодарив неприветливую тётку, направилась к двери.

– Погоди-ка...

У порога женщина сунула ей в руку кусок чёрствого хлеба, завернутый в холстину. Нахмуренные брови её разошлись, и она погладила Нину по голове.

– Ну, ступай, Маруся...

* * *

В отряде Нину ждали с нетерпением и волнением. Время неумолимо шло – пора готовиться к операции. Теперь всё зависело от Нины, от того, какие сведения добудет маленькая партизанка.

Батов внимательно слушал девочку, что-то записывая в своём блокноте.



Нина закончила свой рассказ.

– Большое спасибо тебе, дочка. Ну что ж... Дело за малым – разбить гадов! Завтра на рассвете выступаем.

К деревне они подошли затемно. Даже утро ещё не забрезжило. В небе тускло перемигивались звёздочки. Нине показалось, что они подмигивают именно ей: «Всё будет хорошо, вот увидишь. Только ничего не бойся!»

– А я и не боюсь! – прошептала девочка и тоже подмигнула звёздочкам.

Нина шагала впереди отряда, ни на шаг не отступая от командира – как разведчица и проводник.

Первым полыхнул в предрассветном небе склад с горючим, за ним – штаб. Зарево на многие километры осветило и лес, и поле, и холмы, и спящую подо льдом речку. Полуодетые, толком не проснувшиеся фашисты с воплями выскакивали на улицу, не в силах понять, что же произошло. Партизаны? Но откуда?

К утру бой закончился. Карательный отряд фашистов был уничтожен.

* * *

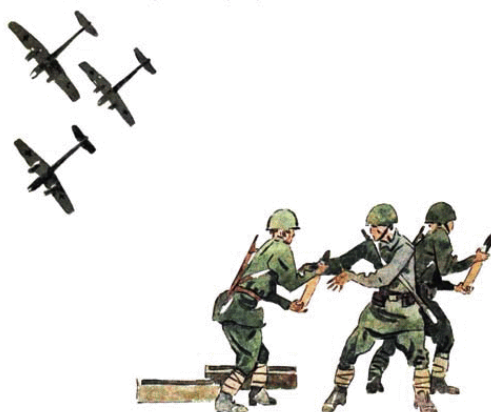
В школьном музее хранится старый, потрёпанный зелёный альбом с фотографиями и письмами. С его страниц на нас смотрит маленькая темноглазая девочка – Нина Куковерова. Под одной из фотографий неровным материнским почерком написано: «Немцы удивлялись – кто это мог передавать информацию партизанам...»

Нина погибла в декабре 1943 года. Ушла в разведку и не вернулась. Её выдал предатель. Девочку схватили и долго пытали. Даже под пытками она не проронила ни слова.

За боевые подвиги Нина Куковерова при жизни была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Орденом Отечественной войны 1-й степени её наградили посмертно.



**Володя Дубинин
(29.08.1927 – 04.01.1942)**





«Ну и хулиганистый у вас парень растёт!» – Эти слова Евдокии Тимофеевны, матери Володи Дубинина, приходилось выслушивать не раз. Вздохнёт она, поругает сына. А Володя лишь глянет виновато:

– Ну мам... Не буду больше!

И всё – растаяло материнское сердце.

Да и правда, не такой уж хулиганистый её младший сын. Просто озорной немного, непоседливый, на месте и минуты усидеть не может. Зато добрый, ласковый и помощник к тому же надёжный. А ведь тринадцать только исполнилось, худой как Кощей Бессмертный и росто-

ком не вышел. Ну да ничего, подрастёт ещё. Зато уже всякое дело можно парню поручить – справится.

Евдокия Тимофеевна сына своего младшего очень любила, хотя и не баловала никогда.

Рос Володя любознательным: и читать любил, и авиамоделизмом увлекался, и фотографией. Столько на свете интересного – знай не ленись только.

Но грянула война, и пришлось Володе заниматься совсем другими делами.

* * *

Однажды Володя нашёл отцовскую медаль «За трудовую доблесть» и прикрепил себе на грудь.

– Не твоя же награда, – упрекнула его старшая сестра Валя. – Заслужи сначала.

– И заслужу! Вот увидишь, – покраснев, крикнул Володя.

Сняв медаль, он бережно положил её на место.

Город Керчь. Четырежды во время Великой Отечественной войны проходила через него линия фронта. Бои здесь шли жестокие и кровопролитные. Отец Володи сразу ушёл на фронт, а Евдокия Тимофеевна вместе с детьми перебралась к родне – в посёлок Старый Карантин.

Чем ближе подходили фашисты к Керчи, тем серьёзнее в городе готовились к партизанской войне. Рядом со Старым Карантином находятся знаменитые керченские каменоломни. Когда-то давным-давно там добывали известняк – почти все дома из него в городе построены. Теперь же каменоломни должны были стать неприступными крепостями. Вот сюда в ноябре 1941 года, когда гитлеровцы стояли уже на пороге города, и спустился партизанский отряд.

Узнав об этом, Володя со своими друзьями Ваней Гриценко и Толей Ковалёвым стали упрашивать взрослых взять их с собой.

На все просьбы ребят следовал один ответ:

– Нечего вам там делать! Дома сидите – малы ещё.

Ребята не отставали. Наконец Александр Зябрев, командир отряда, согласился:

– Ну ладно, уговорили. Что с вами поделаешь! Только одно условие. Время, сами знаете, какое – военное. Никаких вам поблажек не будет. Дисциплина – прежде всего. Вы теперь солдаты.

Мальчишки кивнули. От радости и плечи расправили, и вроде ростом даже повыше стали: они же теперь солдаты!



Внимательно оглядев их хрупкие фигурки, Зябрев подумал: «Пригодятся мальцы. Мало ли... Такие в любую щель пролезут».

* * *

Фашисты захватили Керчь. Но почувствовать себя в городе полноправными хозяевами им так и не удалось. Что за жизнь на пороховой бочке?! Партизаны, занявшие керченские лабиринты, не давали гитлеровцам ни минуты покоя. Взлетали в воздух немецкие машины, загорались немецкие склады, в гарнизоне каждый день не досчитывались немецких солдат.

И как только эти партизаны добывают сведения? Как удастся им, сидящим в душном и тёмном подземелье, без воды и продовольствия, вести самую настоящую войну? Фашисты недоумевали и от ярости были готовы на самые крайние меры, только бы выбить партизан из подземной крепости. Немецкое командование решило перейти к осаде. Гитлеровцы бросали в каменоломни бомбы, запускали туда ядовитый газ и наконец замуровали все входы и выходы.

Ничего не помогало! Отряд продолжал жить и бороться. Потерялся счёт дням и ночам, таяло продовольствие, партизаны изнывали от удушья и жажды. В особенности тяжело стало, когда отверстия, ведущие из каменоломен, фашисты залили бетоном.

Вот когдагодились мальчишки! Худенькие и юркие, они ловко выбирались наверх по самым узким лазам. Перекрыть их гитлеровцам даже в голову не приходило – разве сможет взрослый человек пролезть в такую щель? О том, что в каменоломнях вместе с партизанами находятся дети, они тоже не догадывались.

А ведь это мальчишки-разведчики добывали важные сведения и передавали их партизанам.

* * *

«Ох как душно!.. И пить охота». Володя с трудом перевёл дыхание и облизал сухие губы. Силы паренька были на исходе. Накануне он помогал подтаскивать боеприпасы, а потом заменил тяжелораненого товарища.

Что и говорить, совсем исхудал. И так-то был не слишком широк в плечах, а теперь и вовсе одна кожа да кости. «Хорошо, что мама не видит, – с улыбкой подумал Володя. – Сказала бы, что я настоящий Кощей! Подумаешь, Кощей! Зато в любую щель пролезу».

После того как фашисты замуровали и заминировали все выходы из каменоломен, никто из партизан уже выбраться на землю не мог. Даже Ваня и Толя. Остался один Володя – самый худенький и маленький. Он продолжал ходить в разведку, проползая прямо под носом у немецких солдат, охранявших отверстия в земле.

«Вот и сейчас фашистов надо обдурить. Лезть по узкому ходу – дело непростое. Главное – сгруппироваться, сжаться и... И не чихнуть!» – думал мальчик, направляясь к лазу наружу.

А пыль от известняка, как нарочно, так и лезла в глаза и нос.

На выходе важно было затаиться, сразу не высовываться, немного оглядеться и сориентироваться: не видно ли где немцев. В этом Володя достиг высочайшего мастерства – ещё ни один фашист не сумел обнаружить маленького разведчика. Только ему были известны самые узкие, почти незаметные для глаз и незаминированные ходы-выходы. Казалось, он мог проползти их с закрытыми глазами.

Подобравшись к отверстию, ведущему наверх, Володя прислушался. Вроде немецкая речь. Ничего не понять! А вот кто-то заговорил по-русски. Предатели...

Осторожно выбравшись наверх, мальчик постарался подползти поближе. То, что он услышал, заставило его немедленно пробираться назад. Скорее! Наших необходимо предупредить, иначе будет поздно!



* * *

Володя полз по узкому лазу, в кровь обдирая колени и локти. Пыль забивалась в глаза, дышать становилось всё труднее и труднее. Но мальчик ничего не замечал – только бы не опоздать!

– Ты почему вернулся? Что случилось? – Александр Зябрев тревожно смотрел на Володю.

– Беда! Фашисты хотят затопить каменоломни!

До начала карательной операции оставалось всего несколько часов. Партизаны начали возводить плотины из ракушечника – только так можно было перекрыть доступ морской воды в подземные лабиринты. Стоя по колено, а то и по грудь в холодной воде, на протяжении двух суток они заделывали щели, через которые могли хлынуть потоки и затопить всё вокруг.

Вот так, благодаря Володе Дубинину, его решимости и бесстрашию, партизаны были спасены. Погубить отряд гитлеровцам не удалось.

* * *

Приближался новый, 1942 год. Пятьдесят дней и ночей провёл отряд в каменном мешке.

Володя получил задание добраться до Аджимушкайских каменоломен на другой стороне города и связаться с местными партизанами. Мальчик отправился выполнять приказ.

До Аджимушкай ещё добрести надо. Володя, выбравшись на белый свет из одного только ему известного лаза, зажмурился от яркого света. Красиво, здорово на земле! Солнце освещало верхушку горы Митридат, где-то вдалеке тихонько и неторопливо плескалось море. Надо же – зима, а как тепло. Когда же закончится война? Когда разобьём гадов?

– Стой! Кто идёт?

От неожиданности Володя вздрогнул. Размечтался... Так недолго и к фашистам в лапы попасть.

Перед Володей стояли трое парней, одетых в красноармейскую форму.

«Немцы переодетые», – мелькнуло у мальчика в голове. Он было совсем собрался прикинуться нищим дурачком и начать попрошайничать – это всегда срабатывало, – но вдруг в глазах одного красноармейца мелькнула смешливая хитринка. Парень широко улыбнулся. Да нет, на немцев вроде не похожи. Не могут они так улыбаться.

– Свои, свои... Не робей, малец. Сам-то откуда здесь взялся?

– Пойдём... Там наши... Вот сюда! – От счастья Володя никак не мог прийти в себя. Мысли в голове путались, нужные слова никак не находились. Он схватил парня за руку.



- Ну-ну, – похлопал его по плечу красноармеец. – Всё позади. Веди!
Володя повёл красноармейцев к лазу. Пальцем показал:
– Здесь!
– Так ты что, оттуда?!

* * *

Солдаты, на которых натолкнулся Володя, оказались бойцами морского десанта. Так мальчик узнал, что в ходе Керченско-Феодосийской операции Керчь была освобождена. Но как выволить из каменоломен партизан? В узкие лазы взрослым ни за что не пролезть, а все ходы-выходы заминированы. Володя вызвался быть проводником у сапёров. Никто кроме него не знал точное расположение лазов. Вот только маму повидать бы! Столько не виделись – соскучился.

Увидев Володю, Евдокия Тимофеевна всплеснула руками:

– Сынок!.. Грязный-то какой! Закопчённый... И худой – Кощей Кощеем! А ну марш на кухню – мыться!

Мать усадила Володю в корыто и принялась тереть мочалкой – еле отмыла.



– Мам... Ну я же не маленький! – сопротивлялся Володя, пытаясь увернуться от ловких рук Евдокии Тимофеевны.

– Молчи уж, партизан! И на кого ты только похож?!

На следующий день Володя отправился вместе с сапёрами к каменоломням. По дороге он тихонько твердил про себя: «Потерпите, братцы! Ещё чуть-чуть...» Володя остановился и запрокинул голову: «Всё увидите – и небо это, и Митридат наш, и море. Потерпите...»

4 января 1942 года Володя Дубинин подорвался на немецкой mine. Похоронили его в братской партизанской могиле – здесь же, неподалёку от каменоломен.

Долгие испытания ожидали Керчь: вторая оккупация, яростные бои и долгожданное освобождение 11 апреля 1944 года.

Посмертно Владимир Никифорович Дубинин был награждён орденом Красного Знамени. Его имя носит одна из улиц его родного города.

Володе поставлен памятник.

Его подвигу посвящены книги.

